

КУРЬЕР ЮНЕСКО

АВГУСТ 1990

ВЕТЕР СВОБОДЫ

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ
ДЕСМОНД ТУТУ
ИОСИФ БРОДСКИЙ
ОКТАВИО ПАС
ФЕДЕРИКО МАЙОР
АЛЕН ТУРЕН
АДОНИС
РОБЕРТ ДАРНТОН

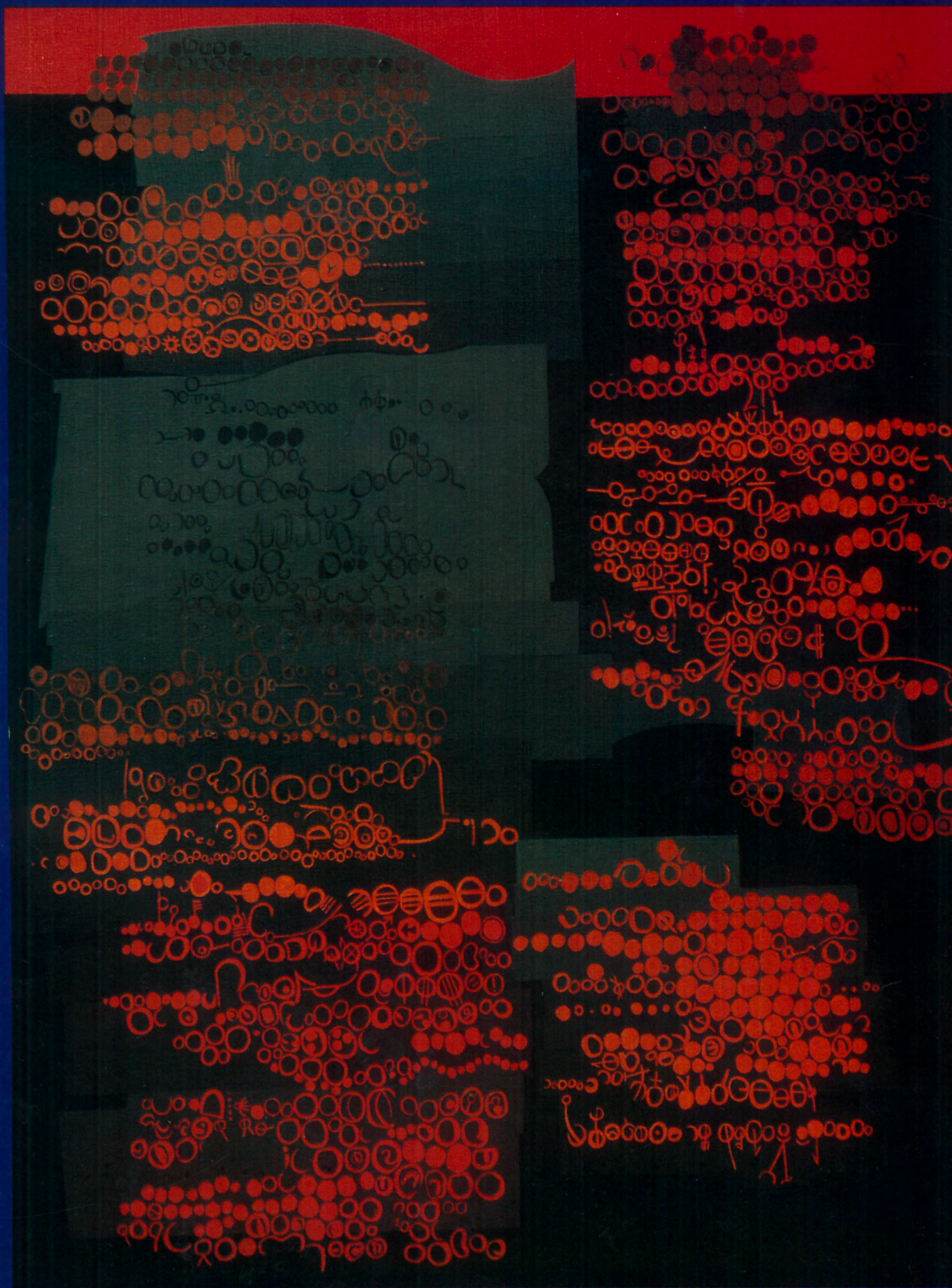

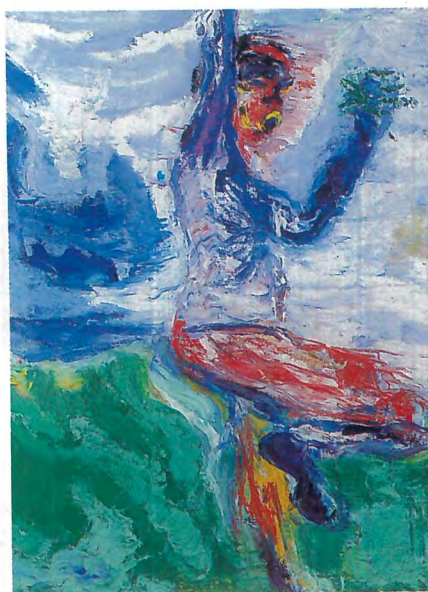
встреча культур

Дорогие читатели! Просим вас присылать нам фотографии произведений, достойных с вашей точки зрения, публикации на этой странице. Это могут быть произведения живописи или скульптуры, фрагменты памятников архитектуры или любые другие объекты, которые служат примером слияния культур. Вы можете также присылать фотографии двух произведений искусства разных культурных ареалов, между которыми, на ваш взгляд, существует связь или сходство. Просим снабжать фотографии подписями.

«Своды законов»,
1977, холст, масло
(81 × 65 см)
Жэрве Батайе

Композиции французского художника Жэрве Батайе, напоминающие космические туманности, переносят зрителя, как выразился один критик, в «страну математических грез». Создаваемая им полифония форм и красок — это попытка найти «некую общую основу для слияния воедино всех языков, рожденных цивилизацией».

10

ВЕТЕР СВОБОДЫ
Федерико Майор

ПАДЕНИЕ СТЕНЫ
Роберт Дарнтон 12

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ДЕМОКРАТИИ
Ален Турен 19

ИРЕНИЯ И СОСТРАДАНИЕ
Октавио Пас 27

ВЗГЛЯД С КАРУСЕЛИ
Иосиф Бродский 31

«НАС НЕ ОСТАНОВИТЬ...»
Десмонд Туту 37

КУЛЬТУРА И СВОБОДА В «ТРЕТЬЕМ МИРЕ»
АКТ ТВОРЧЕСТВА
Адонис 39

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: НЕВИДИМЫЕ БОРЦЫ
Жорж-Анри Дюмон 43

В ПЛЕНУ У «СЕКУРИТАТЕ»
Сорин Думитреску 45

4

ДОКУМЕНТЫ
Интервью с
ВАЦЛАВОМ
ГАВЕЛОМ

накануне
«бархатной революции»
в Чехословакии

Сегодня не осталось неисследованных континентов, неизвестных морей и таинственных островов. Мы научились преодолевать физические препятствия, стоящие на нашем пути, но не разрушены еще барьеры взаимной отчужденности, разъединяющие народы и культуры. Современным одиссеям доступен любой уголок света. Но ныне гораздо сильнее манят путешествия иного рода — в мир других культур, жизненных укладов и ценностей. Именно в такое путешествие приглашает своих читателей «Курьер ЮНЕСКО». В каждом номере авторы из разных стран будут освещать с различных культурных и профессиональных точек зрения одну из тем, представляющих всеобщий интерес. Компасом в этом странствии по культурам мира будет уважение ко всем народам.

Консультант
номера:
Эхсан Нарагхи.

1-я с. обл.:
«Канатоходец», 1990,
холст, масло
(81×65 см).
Работа
французской художницы
Изабель Вольф.

4-я с. обл.:
«Небо», 1982,
холст, масло
(200×150 см).
Работа
французского художника
Жерара Фроманже.

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ

Президент ЧСФР, драматург и борец за свободу. Именно благодаря своей репутации писателя-диссидента он был 29 декабря 1989 г. избран президентом страны, став символом мирной революции. ■ В 1968 г. после жестокого подавления «Пражской весны», в которой Вацлав Гавел играл ведущую роль, его пьесы были запрещены к постановке в Чехословакии. В то же время трилогия «Audience», «Vernissage» и «Pétition» (1975—1976) с успехом шла на сценах многих стран мира. Гавел сопротивлялся давлению властей и последовательно отстаивал права человека, за что неоднократно подвергался аресту. В общей сложности он провел в тюрьме пять лет. ■ На страницах этого номера мы впервые публикуем полный текст интервью, взятого у Вацлава Гавела 30 июня 1989 г., когда он еще находился на полуплегалном положении в своем доме близ Праги. Этот документ — яркое свидетельство своего времени: разговор состоялся за несколько недель до того, как опальный драматург вышел на авансцену политической жизни.

Наша беседа проходит в несколько странной атмосфере. С вас не спускают глаз, но вас как будто это не смущает... Свободны ли вы в своих действиях?

— До недавнего времени я находился в полной изоляции, но теперь все изменилось. Такая практика была эффективной в 70-е годы, когда общество пребывало в состоянии оцепенения. Люди, казалось, потеряли всякую надежду и больше не верили в какие-либо социальные перемены. Упал интерес к общественной жизни, которую, кстати, всеми средствами старались задушить. Люди ушли в себя, сократили до минимума общение.

Общество стало раздробленным, каждый ощущал себя оторванным от другого. Я чувствовал это особенно остро,

поскольку принадлежал к тем, кого после ввода советских войск в 1968 г. окрестили врагами государства. Общаться с нами было опасно. Печатать меня перестали. Нигде не брали на работу...

Но потом ситуация начала понемногу меняться. Сегодня она совсем другая. И дело тут не в том, что изменилась политика партии и правительства. Она осталась прежней. Изменилось само общество. Возможно, люди устали от собственной апатии. Они выходят из добровольного заточения. Появляются первые признаки возрождения политической жизни.

Подрастают новые поколения, не знающие унижения иностранной интервенции. Началось медленное, постепенное, но все же весьма ощутимое движение вперед. Мне это особенно заметно, потому что я неоднократно подвергался аресту и заключению. Когда попадаешь за решетку, уносишь с собой ощущение той ситуации, которая сложилась на момент ареста. Затем в течение какого-то времени живешь в отрыве от событий, храня в памяти эту картину. Потом вдруг тебя выпускают на волю, и сразу же замечаешь то новое, что появилось в твое отсутствие. Всякий раз, выходя из тюрьмы, я поражался происшедшим переменам. С

каждым разом чувствовалось все большее оживление в обществе, исчезали апатия, оцепенение...

Приходилось ли вам когда-нибудь прерывать свою писательскую деятельность?

— В течение двадцати лет мои пьесы были запрещены на родине, но я не переставал работать, да и как можно запретить писателю заниматься своим ремеслом? Он должен продолжать писать, говорить даже в самых тяжелых условиях. И все-таки я публиковался. Где? За рубежом, но главным образом в «самиздате».

К началу 70-х годов у нас в стране сформировались две противоположные культуры. Одна — официальная, другая — подпольная, независимая. «Самиздат», начинавшийся когда-то довольно скромно, теперь не узнать. Сегодня в нем выходят десятки газет и журналов, сотни книг и даже видеогазета. В последние годы стена между этими культурами стала давать трещины. Образовалось промежуточное пространство, которое иногда называют «серой зоной». Началось взаимопроникновение официальной и независимой культур, потому что ни одна из них не может претендовать на монополию. И дело тут вовсе не в либерализации официальной политики в области культуры, а во внутреннем импульсе, в осознании реального положения вещей.

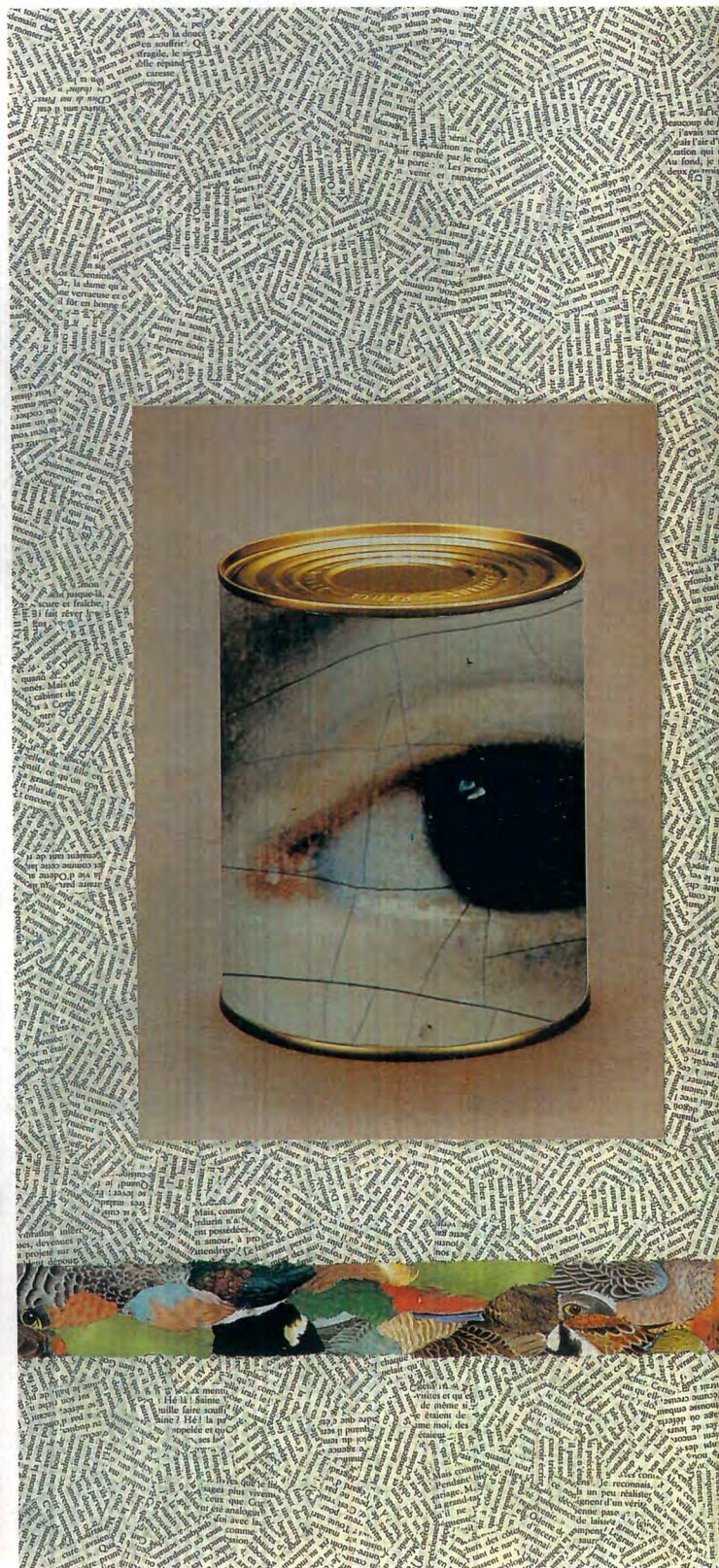
Какова, по вашему мнению, роль интеллигенции в политической и общественной жизни?

— Она хочет предугадать будущее, и это ее право. Ей не нужно стыдиться своих фантазий на тему грядущего. Но главная ее задача, на мой взгляд, — понять настоящее, осмыслить нависший над нами кризис и дать ему название. Только так можно действительно осознать ход истории.

Построить лучший мир — это задача политиков. А дело интеллигенции зорко наблюдать за происходящим и вовремя предостерегать людей. В каком-то смысле она должна контролировать действия политиков, иногда напоминать им, что они встали на ложный идеологический путь, отошли от реальности. Я говорю это как человек, разочаровавшийся в идеологии. Это разочарование постигло всех, кто живет в Восточной Европе. Объективная реальность нашей жизни заставляет людей осознавать крах идеологии...

Нам сейчас нужны самые простые, элементарные вещи безо всякой идеологической подкладки. Мы хотим вернуться к основополагающим ценностям, уважать которые

«Письмо свободе. Факелы твоих зрачков освещают мне путь» (1989), коллаж чешского художника Иржи Колара.

См. на русском языке:

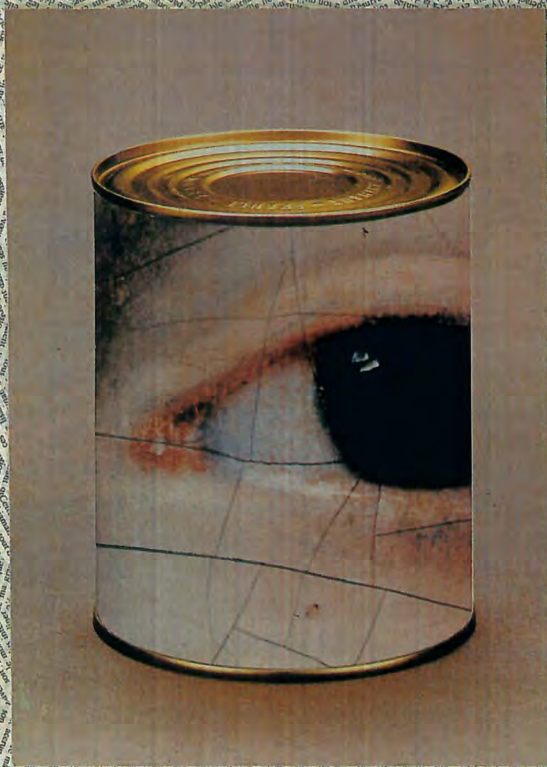
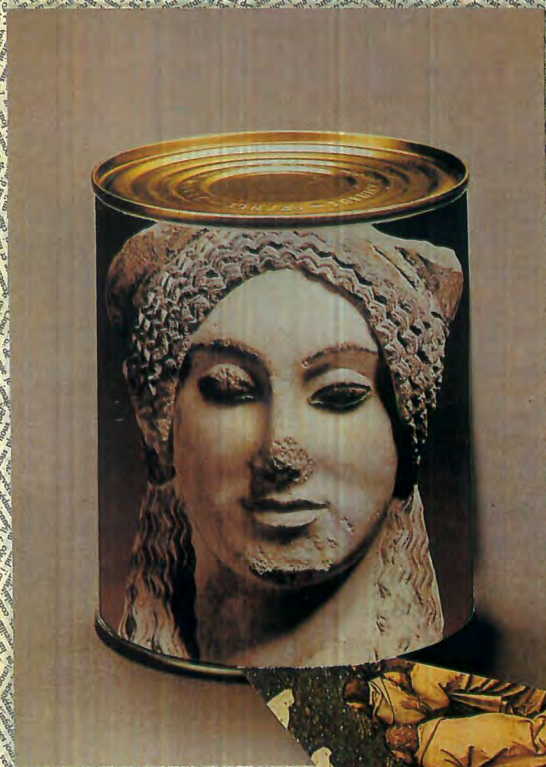
Выступление Вацлава Гавела в конгрессе США. — «Известия», 1990, 22 февраля, с. 4.
«Путь без насилия». Беседа президента ЧССР со специальным корреспондентом «Известий», 1990, 23 февраля, с. 5.
«Слово о слове. О собственном творчестве». — «Новое время», 1990, № 11, с. 42—43.
«Двадцать лет спустя». Интервью корреспонденту «Литературной газеты». — «Литературная газета», 1989, 20 декабря, с. 15.

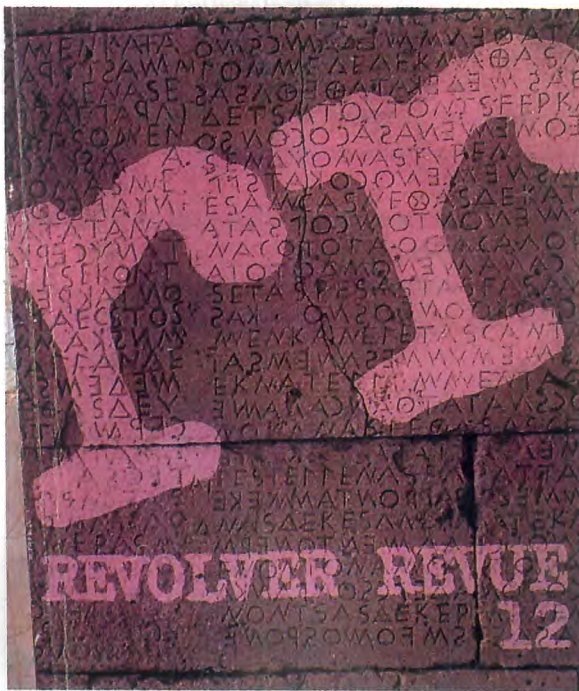
требуют здравый смысл и человеческое достоинство. А что мы видели до сих пор? Бесплодные попытки подчинить мир идеологии. Быть может, хоть сегодня люди поймут, что нельзя выстраивать теорию, а потом подгонять под нее реальность. Действительность — этот живой, полный тайн организм — ниспровергает все теории, все схемы, все возможные концепции. Прежде чем пытаться ее упорядочить и подчинить каким-то строгим законам, надо смирить свою гордыню и научиться уважать богатство, разнообразие и пестроту жизни. Ее невозможно втиснуть в прокрустово

ложе утопии, рожденной холодным рассудком идеолога. У нас были такие намерения, но ничего из них не вышло. Вот почему интеллигенция Восточной Европы с таким недоверием относится ко всем проектам и теориям. Вот откуда стремление к анализу настоящего во имя лучшего будущего.

Усматриваете ли вы разницу между интеллигенцией Востока и Запада?

— Во-первых, до недавнего времени в большинстве стран коммунистического блока не существовало политики, поли-

тических дискуссий. Тоталитаризм подавляет политику, рождаемую творчеством людей. Лишенное всякой политической культуры общество не в состоянии создать естественные механизмы защиты, не может сформироваться и общественное мнение. Для политической жизни нет даже профессиональной основы. Но возникла удивительная ситуация: политику гнали в дверь, а она проникла через окно. Вдруг все области жизни политизировались. Все обрело политический смысл: концерты, проповеди, народные праздники...

В этих условиях с новой силой зазвучало слово писателя. Особенно если он старается говорить правду, не думая о последствиях для себя самого, если он перестал быть послушным орудием в руках властей. Почему так возросло значение писателя? Потому что его инструмент — язык: меткий, вопрошающий. Он — лучшее орудие культурной жизни. У нас слово писателя по своей важности не уступает политическим решениям. Многие на Западе удивляются: почему мы с таким нетерпением ждем слова? А для нас в нем все — надежда и свобода. Под действием этого культурного брожения общество расслаивается, обретает новую структуру. Вот почему писатели, на которых лежит все возрастающая политическая ответственность, должны быть чрезвычайно взыскательны к себе.

Знаменует ли воля к переменам в Восточной Европе и других районах мира начало новой эры?

— Я не футуролог, не ясновидец. Я не знаю, куда идет мировое сообщество, но вижу повсюду признаки глубокого экономического, политического и экологического кризиса. Помимо, это кризис самого существования, кризис личности: человек утратил чувство ответственности по отношению к чему-то высшему, стоящему над ним. Немало людей в мире тоже почувствовали и осознали это и теперь стараются найти выход из создавшегося положения.

Быть может, в конце этого тысячелетия откроются новые возможности. Уже сейчас можно констатировать

некоторые отрадные явления: замедление гонки вооружений, попытки обеспечить мирное сосуществование, Хельсинкские соглашения. Правда, пока что успехи довольно скромные. Мы стараемся преобразовать самые жестокие стороны нашей жизни, те, что бросаются в глаза. Но гораздо опаснее то, что скрыто от наших взоров.

Исчезнет ли пропасть между Западом и Востоком?

— Откровенно говоря, не знаю. Различия между этими двумя мирами столь велики... Десятки лет существовали две политические системы, каждая развивалась по-своему. Тоталитарная система коммунистического типа, которую я бы назвал, как это делают сами коммунисты, «сталинским социализмом», сегодня зашла в тупик. И люди на Востоке стали это понимать. Поэтому и начались усилия, направленные на демократизацию, развернулся процесс перестройки. Это очевидно. Восток делает шаг навстречу Западу. Но готов ли Запад в свою очередь сделать ответный шаг? Не знаю. Ведь он отстаивает ценности, которые, по его мнению, хороши для всего человечества. Он не хочет поступаться ими, и в этом он тысячу раз прав. Мне мучительно видеть, как он сам иногда попирает их. Мы тоже дорожим этими ценностями. Что же касается потрясений, которые испытывает Запад, то в этом я усматриваю проявление глубокого кризиса цивилизации, о чем я уже говорил. И никто кроме самого Запада его проблем не решит.

Но есть одна серьезная проблема, общая для обеих систем: это чрезмерная централизация. У нас политическая власть, экономические рычаги, энергетические ресурсы — все находится в одних руках. Государство выступает единственным работодателем, единственным организатором общественной жизни. Это чудовищно. На Западе — огромные предприятия, гигантские объединения... Та же самая тенденция к абсолютной централизации, хотя и в других формах. В результате и тут и там наблюдается одинаковое обезличивание жизни, правда, в наших условиях это проявляется гораздо жестче. На производстве, в общественной жизни, в городах, семьях рушатся связи между людьми. Человек становится винтиком в огромной машине. Работа да и само существование теряют смысл. Нужно, чтобы наши системы объединили силы, борясь каждая своими средствами против дегуманизации жизни. И когда они достигнут успеха, быть может, появится основа и для сближения...

В состоянии ли творческая интеллигенция что-либо изменить перед лицом неумолимого будущего?

— Художник в некоторых областях бессилён. Он не может изменить мир, как, например, политик. Его присутствие в мире выражается в творчестве, его оружие — слово. У меня есть очерк «Власть бессильных», в котором я попытался показать, как слово правды, произнесенное даже одним человеком, в определенных условиях может оказаться сильнее целых дивизий. Слово несет свет, пробуждение, свободу. Оно наделено силой, и этой силой владеют интеллектуалы, которые должны хранить и использовать ее в своих

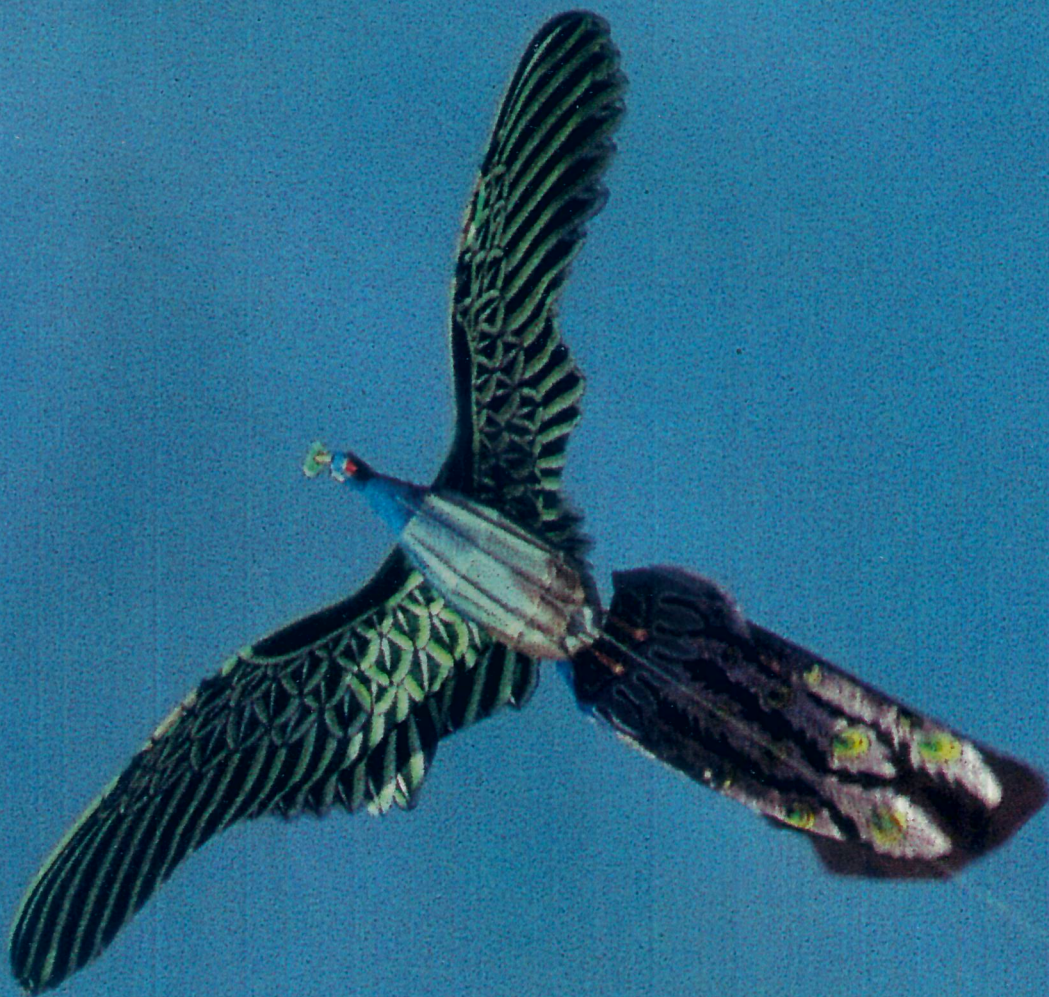
Иллюстрация французского художника Мишеля Гранже к ежегодному докладу организации «Эмнисти Интернэшнл» (1987).
На с. 8: обложка подпольного чехословацкого журнала «Revolver Revue» (1989), выполненная Габриной Фаровой.

целях. И не нужно им стремиться к иной власти. Пусть социальными преобразованиями, организацией общественной структуры занимаются политики.

Для чего же им нужна эта сила?

— На пороге нового тысячелетия самое драгоценное богатство, которое обеспечит всеобщее согласие независимо от того, в какой системе или стране мы живем, — общечеловеческие ценности, основополагающие принципы. И прежде всего — смирение. Многие проявления жестокости, имев-

шие место в мире в конце этого тысячелетия: гитлеризм, сталинизм, преступления Пол Пота, — свидетельствуют о неукротимой гордыне и высокомерии отдельных личностей, фанатических приверженцев идеологий, доктрин, утопических теорий, о самоуверенности тех, кто привык диктовать, как должно жить людям и какой вводить порядок. Когда действительность не вписывается в рамки их теорий, они начинают проводить их в жизнь с помощью лагерей, массовых убийств, жесточайших войн. Отсутствие скромности проявляется не только в политической области. Экологический кризис нашей планеты вызван все тем же высокомерием: человек навязывает природе свою волю, не заботясь о соблюдении ее законов и познании ее тайн. Я мог бы привести множество других примеров... Давайте же не терять стремления к свободе, чувства собственного достоинства и справедливости. Но будем скромнее. ■

ВЕТЕР

ФЕДЕРИКО МАЙОР

СЕГОДНЯ все мы переживаем уникальный исторический момент: сквозь непроницаемые стены молчания, долгое время опоясывавшие целые регионы, зазвучал призывный голос свободы. Осенью 1989 г. как бы в ознаменование 200-летия Декларации прав человека и гражданина всего за несколько месяцев в Европе рухнули самые высокие Бастилии, открылись границы, наполнились новым энтузиазмом угасшие было сердца. Эхо событий отзывается в самых дальних уголках планеты, рождая новые вопросы и надежды, которые возвещают об обильном урожае на ниве демократии.

И как тут не вспомнить те дни, когда отгремели последние залпы второй мировой войны. Так же рушились одна за другой цитадели неприязни и ненависти, и люди с оптимизмом смотрели в

на», подстегиваемая гонкой вооружений, возникали все новые очаги напряженности. Потребовалось еще четыре десятилетия безвестных жертв, битв и компромиссов, проб и ошибок, героизма и мудрости, чтобы вновь прорвался свежий ветер весны 1945 г.

Падение Берлинской стены в глазах миллионов людей на земле — символ сбывающихся надежд: ведь этому предшествовали десятилетия борьбы за свободу, достоинство и солидарность на всех континентах. Дорого пришлось заплатить народам Севера и Юга за духовную зрелость. Но именно она побудила людей идти по пути согласия, а не войны, сотрудничества независимых наций, а не борьбы за власть, развивать демократию как источник ста-

СВОБОДЫ

будущее, мечтая о светлом царстве братства.

Чтобы воплотить эти чаяния в жизнь, была создана система учреждений ООН, в которую вошла и ЮНЕСКО. Ее миссия заключалась в мобилизации самых блестящих умов современности в целях глобального обмена знаниями и опытом, осуществления мировой общественностью контроля над культурным и природным наследием человечества, являющимся всеобщим достоянием...

Увы, долгие годы эти задачи оставались лишь красивой мечтой. Надежда, родившаяся с концом сражений, быстро иссякла. Прошло совсем немного времени, и между народами встали новые преграды, на свободу снова одели оковы. Свинцовым мраком наливались тучи колониализма, началась «холодная вой-

новления личности и всего общества и культуру как истинное мерило жизни.

И вот с новой силой задул ветер свободы! Он зовет нас к прекрасной цели — созиданию демократии на нашей планете. Сегодня, как и вчера, ключ к успеху в диалоге культур, в беспрепятственном движении людей, идеологий и продуктов творчества, в самом широком интеллектуальном обмене. Удастся ли нам на сей раз приблизиться к светлой мечте всемирного братства?

Моменты, когда открываются богатые возможности во всех областях, редки. Поэтому так важно не упустить их.

Для ЮНЕСКО настал час выполнить свое истинное предназначение — стать выразителем общих надежд человечества. С этой целью «Курьер ЮНЕСКО» обратился к видным мыслителям современности с просьбой поделиться своими соображениями о будущем.

В этом эмоциональном рассказе очевидца, написанном в самый разгар событий, передана атмосфера, царившая в городе в конце 1989 г., когда была пробита брешь в Берлинской стене. Автор размышляет о глубоких последствиях этого символического события.

ПАДЕНИЕ СТЕНЫ

РОБЕРТ ДАРНТОН

© Robert Darnton, 1990

УТРОМ 10 ноября, на следующий день после первого массового прорыва через стену, жители Восточного и Западного Берлина пробудились с одной мыслью, не приснилось ли им все это. Западноберлинская газета «Фольксблатт» поместила на первой полосе две статьи с прямо противоположными заголовками: «Стена рухнула» и «Бонн требует разрушения стены».

И то и другое было верным: стена существовала и ее больше не было. Еще 9 ноября она рваной раной проходила через самое сердце Берлина, обозначая линию фронта «холодной войны», а 10 ноября превратилась в танцевальную площадку, в картинную галерею, в стенд для расклейки афиш, в киноэкран, в видеокассету, в музей, в «грудку камней», как справедливо выразилась наша уборщица. Штурм стены был подобен взятию Бастилии — он изменил весь мир. И неудивительно, что днем позже на демонстрации, состоявшейся на Александерплац в Восточном Берлине, появился простой, но выразительный плакат — «1789—1989». Его нес один из ниспровергателей символа, определившего после войны мировоззрение миллионов людей.

Далеко не каждому человеку удастся стать очевидцем эпохальных перемен. В связи с этим возникает множество вопросов. Первый и самый конкретный: что произошло между 9 и 12 ноября и каково значение этих событий?

«Прощай все, что было»

Разрушение стены началось вечером в четверг 9 ноября, вскоре после того, как первая волна «остлеров» (так в Западной Берлине называют жителей восточной части

города) хлынула на Запад. Молодой «остлер» с рюкзаком за плечами каким-то образом залез на стену прямо напротив Бранденбургских ворот и пошел по ее гребню, беззаботно размахивая руками. Он был превосходной мишенью для стрелков, пули которых уложили немало смельчаков, пытавшихся преодолеть этот барьер. Среди них был 18-летний Петер Фехтер, рабочий-строитель, брошенный истекать кровью прямо напротив знаменитого пропускного пункта «Чекпойнт Чарли» 17 августа 1962 г. Теперь, 27 лет спустя, новое поколение пограничников тоже выполнило свой долг, только вместо винтовок в

руках у них были брандспойты да и прежней уверенности не доставало. А покоритель стены, промокнувший до нитки, продолжал свою прогулку до тех пор, пока пограничники не сдались. Тогда он развязал свой рюкзак и вылил из него воду на восточную сторону, как бы говоря: «Прощай все, что было».

А еще через несколько минут сотни людей — и «остлеры», и «вестлеры» — уже были на стене. Они обнимались, плясали, дарили друг другу цветы, пили вино, помогали взбираться новым «покорителям» — и отбивали от стены кусочки. К полуночи при свете луны и прожекторов с вышек на ничейной земле тысячи

Рисунки на стене.

людей молотками и стамесками вгрызались в поверхность стены, растаскивая ее, подобно армии муравьев. Внизу в ход шли камни и кирпичи. Появились узкие щели, через которые, как сквозь отверстия в фонаре из тыквы, засиял свет с восточной стороны. На самой вершине, в центре всего этого коловращения, крушил стену какой-то «остлер», держа в одной руке серп, а в другой — молот.

К субботе куски стены разошлись по всему Берлину. Люди дарили их друг другу как сувениры на память об историческом событии — конце «холодной войны». Какой-то предприимчивый лавочник продавал эти куски прямо с лотка на Курфюрстендамм по 20 марок за обломок прошлого. Проходя мимо, житель Восточного Берлина сказал ему, усмехнувшись: «Вы этим торговать не имеете права. Это наша стена, и она принадлежит нам».

Как всякий великий символ, стена имеет множество значений, причем они неодинаковы на Западе и на Востоке. Да и выглядит она с обеих сторон по-разному. С западной стена похожа на тюремные казематы, в которых томятся жители Восточного Берлина. Чтобы пощекотать себе нервы, туристы взбирались на наблюдательные вышки, откуда их глазам представала картина, способная ужаснуть кого угодно: чудовищные бетонные громады, ничейная земля, до 1985 г. заминированная и насквозь простреливавшаяся, колючая проволока, патруль с собаками, сторожевые вышки и вооруженная охрана с биноклями. А дальше, за нейтральной полосой, этим мертвым открытым пространством, еще одна стена или здания без окон.

Жители Восточного Берлина видели совсем другую стену: выкрашенную сине-голубой краской, чистую, гладкую, без каких-либо рисунков и надписей. Стена служила ширмой для спрятанного за ней репрессивного аппарата. В отдаленных районах Восточного Берлина она настолько неприметна, что можно принять ее за часть городского пейзажа.

«Мы — народ! Мы остаемся здесь!»

Вскоре после «падения» стены я побывал у одного моего знакомого из Восточного Берлина. Беспартийный интеллигент, во время последнего кризиса он участвовал в демонстрации против существующего режима. И вот что он сказал мне: «Не надо сносить стену. Пусть бы осталась защитная, но преодолимая преграда. Одной из величайших ошибок в истории Берлина был снос в 1867 г. таможенного вала, частью которого были Бранденбургские ворота. Все трагедии нынешнего века начались именно с этого».

Двумя месяцами раньше одна молодая женщина, профессор из Лейпцига, сказала примерно то же самое. Стену она назвала плотиной, преграждающей путь опасному вли-

анию капиталистического мира. Сначала я полагал, что она лишь повторяет слова партийной пропаганды, но теперь, когда немцы из Восточной Германии открыто обсуждают будущее, а стена изменила свои функции, можно услышать подобные высказывания по телевидению ГДР, в пивных и просто на улицах.

На Западе считают, что жителям Восточной Германии только и нужно, что заработать побольше денег и потратить их в магазинах ФРГ. Однако нельзя не заметить лозунгов тех сотен тысяч людей, которые остались на родине и выходили на демонстрации в Лейпциге, Дрездене и многих других городах еще задолго до «штурма» стены: «Мы — народ! Мы останемся здесь!» От 500 тыс. до 1 млн человек приняли участие в самой бурной демонстрации 4 ноября в Восточном Берлине. Они скандировали те же самые слова, при этом не было ни потасовок, ни разбитых окон.

Демонстрация стала настоящими улицными Генеральными Штатами, благодаря которым власть постепенно переходила от правящей партии к народу. Штурм стены ускорил этот процесс, но тут же перед жителями ГДР встал новый вопрос: что делать дальше, когда рухнула преграда между ними и Западом?

РОБЕРТ ДАРНТОН, американский историк и журналист; преподаватель истории Европы и директор программы по изучению культуры Европы в Принстонском университете (штат Нью-Джерси, США). Автор ряда книг по истории и культуре Европы, в частности «Revolution in Print: the Press in France 1775—1800» (в соавторстве с Дэниэлем Роком; University of California Press, Berkeley, 1989) и «The Kiss of Lamourette: Reflections in Cultural History» (W.W. Norton, N.Y., 1989). Публикуемый в этом номере очерк войдет в книгу «Berlin Journal, 1989—1990», которая выйдет в свет в издательстве «W.W.Norton» в 1991 г.

Стена

Камень за камнем
 падет
 неприступная эта машина.
 Камень за камнем рухнет
 руками самих же людей
 возведенная
 между ними граница.
 Память
 отринет следы
 твоего ненавистного
 лика.
 Вот и опять
 ожившая после долгой
 зимы
 мечта человека
 сметает
 бетонные стены.
 Пусть поздно,
 пусть трудно,
 Свобода
 всегда побеждает.

Федерико Майор

«Чарли ушел на пенсию»

Поверхность стены с запада в несколько слоев покрыта надписями — своеобразная многолетняя летопись ее существования: «Отрывать по пунктирной линии», «Заниматься любовью, а не стенами». Повсюду выведенные краской из пульверизатора «послания» туристов: «Люблю тебя, Лиза» — или мало относящееся к разделу Берлина заявление «Эссекский университет обсуждает все формы политического давления».

В некоторых местах получается своеобразный диалог, настоящее как бы дает прошлому оптимистический ответ: стена пала, она осталась лишь как поверхность, на которой можно выразить свое отношение к ее существованию. «Жаль, что бетон не горит». «Зато он разрушается». «Эта стена падет». «Мы видели ее конец. Ноябрь 1989». Даже шуточные надписи звучат победно вроде той, что появилась неподалеку от пропускного пункта «Чекпойнт Чарли»: «Чарли ушел на пенсию. 10 ноября 1989 г.».

Смысл надписей примерно один и тот же: по одну сторону стены царит тоталитарный режим, по другую — свобода. Подтверждение тому и музей «Чекпойнт Чарли». В нем выставлены всевозможные средства, при

помощи которых люди пытались любыми способами преодолеть неприступную преграду. Никого не оставляют равнодушными кресты, стоящие против мест, где погибли от пуль те, кому не удалось вырваться из плена.

Однако атмосферу героизма и страдания перебивают находящиеся поблизости сувенирные лавки, где продаются открытки с видами стены и памятные безделушки. Они расположились наподобие ярмарки между старым рейхстагом, который стал теперь музеем, и проходом в стене напротив Потсдамплац, бывшей когда-то самой оживленной площадью Европы, а теперь превратившейся в грязный, заросший сорняками пустырь. Открытки сделаны по фотографиям «остлеров», запечатлевших стену с западной стороны 9 ноября: для них она предстала в новом свете. Открытки выставлены на стендах прямо на улице, и поначалу жители Восточного Берлина, не привыкшие к такой форме торговли, брали их бесплатно, думая, что это подарки.

«По Курфюрстендамм и обратно»

Одна из левых групп Западного Берлина попробовала выступить навстречу потоку

Берлинская стена в 1962 г.

людей, идущих с Востока с транспарантом: «Ваша свобода в руках банков Западной Германии». Но они потонули в море «остлеров», которые текли сквозь стену, напевая песню, сочиненную кем-то в начале событий, в четверг: «По Курфюрстендамм и обратно».¹ Самым главным словом в припеве было «обратно»: ведь жители Восточного Берлина шли не просто за тем, чтобы что-то продать или купить, а чтобы увидеть «запретный город» своими глазами и вернуться домой.

Федеративная Республика выделяла каждому восточному немцу 100 марок (приблизительно 50 долларов) в качестве «гостевых денег», многие банки работали по субботам и воскресеньям. Помогали и частные лица. Один житель Западного Берлина стоял у пролома в стене и вручал каждому входящему с Востока по 50 марок, пока у него не кончились деньги. Другой берлинец с Запада встретил на Курфюрстендамм девочку-подростка, плачущую на пороге закусочной «Макдональдс». Она рассказала, что всю жизнь мечтала попробовать гамбургер в «Макдональдсе», но сейчас не может — нет денег. Тогда он сунул ей в руку 50 марок, и она тут же побежала в заветный рай.

Жители Западного Берлина гостеприимно встречали «остлеров». Им предлагали выпить, нагружали их пиццей и колбасой, показывали им город, оставляли переночевать. С них не брали деньги в метро и автобусах, бесплатно пускали в дискотеки, кормили по сниженным ценам в ресторанах, давали скидку в кинотеатрах. Их манили витрины с красивой одеждой и «мерседесами». А когда им в руки попадало хоть немного западных марок, они тратили их на тропические фрукты, которых нет в Восточном Берлине, на игрушки, довольно убогие в ГДР, на книги, в особенности запрещенные, на кока-колу, косметику, сувениры и цветы.

Но главное заключалось в том, что люди искали контактов. Объятия, совместные застолья, цветы — все это напоминало какой-то коллективный обряд. «Ночью, когда запахнулись ворота, — писала газета «Фольксблатт», — исчезли различия между

берлинцами с запада и с востока. Все чувствовали принадлежность к одной большой семье, и каждый радовался этому на свой лад».

В тени стены

Человеку, не знающему Берлин, трудно представить, насколько надежно делила стена этот город. Вскоре после ее сооружения в 1961 г. около двух миллионов жителей западной и миллиона жителей восточной части города стали постепенно терять связи друг с другом. А к 1989 г. в тени этой стены выросло целое поколение молодых людей. Большинство из них никогда не пересекали ее даже с запада на восток, когда это разрешалось. Они видели в ней нечто неизбежное, часть жизни, пейзажа: стена была до них и будет после них. Она превратилась в достопримечательность, ее воспринимали как данность, ее не замечали или просто игнорировали.

Один журналист, пытающийся обнаружить признаки раздвоения личности у берлинцев, взял интервью у пожилой женщины, живущей в западной части города неподалеку от стены. На вопрос, почему она каждый день часами смотрит на стену, она ответила: «Я смотрю совсем не на нее, а на кроликов, которые играют на нейтральной полосе...» Многие жители Западного Берлина увидели стену только тогда, когда она перестала существовать.

Город получал от нее даже выгоду. Так, только благодаря ей боннское правительство делало постоянные миллиардные вливания в Западный Берлин, субсидируя все: от филармонического оркестра до молодежных джазовых групп. Целое поколение вечно ищущей работу интеллигенции выросло вокруг Свободного университета, где учится теперь 60 тыс. студентов. Жители Западного Берлина освобождены от воинской повинности; ночи напролет они могут сидеть в баре, потягивая пиво и болтая о политике, ведь Берлин — единственный город в ФРГ, где пивные работают после полуночи, а завтрак вам подадут днем. Многие из этих людей привыкли жить

Людской поток с Востока на Запад.

1. Курфюрстендамм — торговая фешенебельная улица в Западном Берлине. — Прим. ред.

Взрыв ликования.

на подачки, и если стену действительно снесут, то их постигнут не меньшие экономические трудности, чем жителей Восточного Берлина.

Для берлинцев стена имеет особое значение. Большинство из них понимает, что эта местная граница неразрывно связана с куда более важными понятиями, как, например, линия Одер-Нейсе или водораздел между странами НАТО и Варшавского Договора. Заснув однажды в мире с привычными, устоявшимися реалиями, на следующий день они проснулись и не увидели четких государственных границ, противостояния двух блоков. Более того, исчезли и временные ориентиры: как будто только что окончилась вторая мировая война. Обнажилась избитая истина: падение границ ведет к катаклизмам, это одновременно источник обновления и угроза сложившемуся миропониманию.

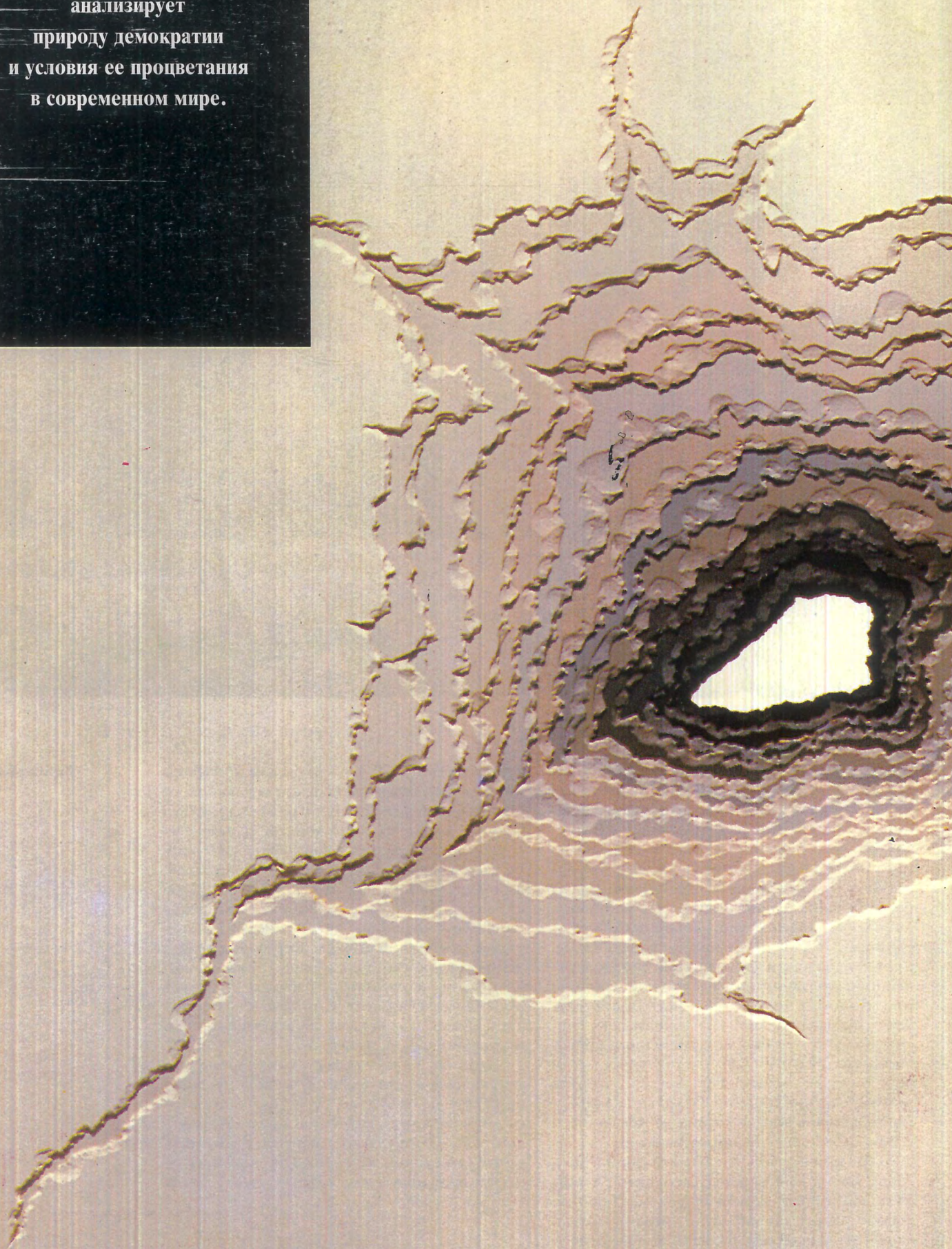
Тем не менее всех охватила эйфория. Особенно Восточный Берлин, где падение стены означало взятие власти народом. Уличные демонстрации расшатывали режим. Отток людей на Запад еще больше ослабил его, и правительство было свергнуто без единого выстрела.

Возможно, мы никогда не узнаем, что происходило внутри разваливавшейся струк-

туры власти в ГДР. Но что бы там ни было, в ночь на 9 ноября мир увидел ту великую силу, которая низвергла стену. Это был народ Восточного Берлина, вооруженный своими убеждениями и дисциплиной, сильный своим большинством. Он одолел стену всей массой, забираясь на нее, идя через проломы, дробя ее на части. А затем началось покорение Западного Берлина. Люди заполнили все улицы, толпами шли через Курфюрстендамм, набивались в автобусы и бары, припарковывали свои крошечные «трабанты» в самых роскошных кварталах и победно возвращались домой с цветами для любимых или игрушками для малышей.

Что может быть удивительнее: город был взят своими же жителями. В четверг 9 ноября при свете полной луны берлинцы танцевали на стене между рейхстагом и мрачной громадой Бранденбургских ворот, превращая самый зловещий из городских пейзажей в сцену ликования и надежды. ■

Известный
французский социолог
анализирует
природу демократии
и условия ее процветания
в современном мире.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ДЕМОКРАТИИ

АЛЕН ТУРЕН

У нашего столетия демократия всегда была не в чести. Этому веку, сжавшемуся до 75 лет (1914—1989) — от начала первой мировой войны до падения Берлинской стены, — суждено было стать эпохой революций, освободительных движений и развития. Увы, все эти явления, питавшие столько надежд и вызвавшие столь мощный всплеск массовой активности, по сути своей противоречат демократии, поскольку требуют единения во имя борьбы с врагом или преодоления преград, тогда как демократия по своей природе плюралистична.

Принять этот взгляд нелегко, особенно народам стран «третьего мира». Развитым странам тоже трудно отказаться от сформировавшегося в XX в. мнения, будто демократия утвердилась прежде всего в Великобритании, США и Франции, затем в Германии, Италии и Испании, а уж потом распространилась на страны Центральной и Восточной Европы, Латинской Америки и, наконец, воцарилась во всем мире.

На протяжении XX в. идеологи наиболее богатых держав утверждали, что экономический рост, демократия и личное счастье каждого неразрывно связаны между собой. Однако реальная действительность жестоко опровергла этот сладенький оптимизм. Веймарская Германия, являвшая собой, казалось, чистейший образец воплощения идеалов прогресса, рухнула в бездну нацизма. Да и протест колониальных народов постоянно напоминал западным странам, что они властвуют над миром далеко не демократическими методами.

Не создали «народных демократий» и революционные антикапиталистические и антиимпериалистические движения, поднятые во имя народа и угнетенных классов. Очень скоро стало ясно, что они были навязаны половине стран Европы силой. С другой стороны, множество режимов, возникших на волне деколонизации, на деле обернулись диктатурой, зачастую зависящей от иностранных покровителей. Бедные страны не пошли по пути свободы, а повернули

«The Door Project» (1985),
деталь работы группы
ньюйоркских архитекторов
— членов организации
«Скульптура в
окружающем мире»
("Sculpture in the
Environment", SITE).

«Танец» (справа) и «Рабыни» (внизу). Работы, выполненные в 1970 г. сенегальским художником Сулеем Кейтой.

АЛЕН ТУРЕН, французский социолог; заведующий учебным отделом и директор Центра социологических исследований в Высшей школе социальных наук в Париже. Автор многочисленных книг и статей по теории социологии и социологии развития, в частности стран Латинской Америки, проблемам которых посвящена одна из его последних книг "La parole et le sang" (Odile Jacob, Paris 1988).

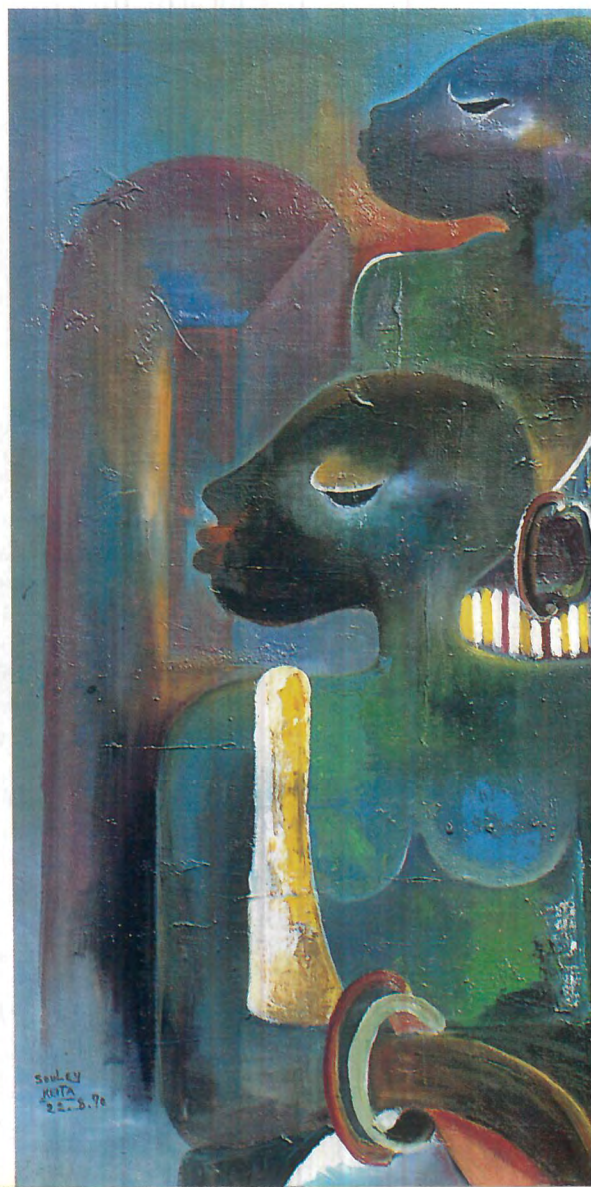
в сторону авторитарных и тоталитарных режимов. В то же время экономически развитые страны обращались к разным формам фашизма, насаждали колониализм, углубляя социальное неравенство на большей части планеты.

Такая картина, сложившаяся в первой половине нашего века, сегодня кажется слишком мрачной: ведь демократия не только выжила и преумножилась на Западе, но и восстановила утраченные позиции в Восточной Европе и особенно в Латинской Америке. Однако проблема требует более глубокой проработки. Прежде чем рассматривать драматичную историю XX в., нужно осознать, что демократия и развитие далеко не всегда идут рука об руку, напротив, они зачастую вступают в конфликт.

Что же такое демократия?

Демократия никоим образом не связана ни с бедностью, ни с богатством. Если рассматривать причины, благоприятствующие ее развитию, становится очевидно, что все зависит от способности страны к эндогенному развитию, то есть от наличия в обществе активных сил, ориентирующихся на современные ценности — рационализм и индивидуальность — и задумывающихся над вопросами распределения средств и результатов коллективного труда.

Демократия не ограничивается какими-либо институтами или тем более гарантиями. Она немыслима без свободных выборов, без возможности для большинства отстранить от управления страной тех руководителей, которые узур-

пировали власть или лишились доверия народа. Если не соблюдены эти условия, бессмысленно говорить о демократии. Важно понять возникновение этого типа политического устройства, его истоки. И здесь выявляется коренное различие эндогенного (демократического) и экзогенного (волюнтаристского, недемократического) путей развития.

Столкнувшись с непреодолимыми внутренними препятствиями на пути обновления, общество должно в прямом и переносном смысле мобилизоваться под руководством правительства, которое, защищая высшие интересы государства и нации, ищет опоры в науке, истории, Боге или народе. Никакая демократия невозможна в обществе в переходный период, пока старое сопротивляется новому. В этой ситуации авангард или правящая элита должны решительно противостоять прежним порядкам, ускоренными темпами вести нацию к будущему. А это зачастую требует всеобщей мобилизации усилий на борьбу с врагами, которые всегда оказываются «внешними», будь то колониальная держава, крупные собственники, традиционные верования или семейные узы. Итак, волюнтаристский, экзогенный путь развития зовет к единству нации, в то время как демократия требует плюрализма мнений и сдерживает социаль-

ные конфликты, призывая к рационализму и свободе.

При каких же условиях цели развития и демократии совпадают? Когда мы вправе говорить об эндогенном развитии? Как утверждают начиная с XVIII в. многие авторы, и в частности Макс Вебер, оно предполагает секуляризацию, отгораживающую общественную жизнь от натуралистической или религиозной концепции вселенной и опирающуюся на важнейший этический принцип уважения личности. Подразумевается также независимость гражданского общества от государства, что влечет за собой, как говорят философы (и в первую очередь Жан-Жак Руссо), определенное равенство условий, иными словами, принцип равенства, будь он религиозным или республиканским. И наконец, крайне важно обеспечить такую структуру обществ граждан, такую систему общественных институтов, которая гарантировала бы представительство всех политических сил — наиболее зримое и конкретное выражение демократии.

Этот сжатый анализ может показаться чересчур абстрактным, однако он позволяет сконцентрироваться на главном и точно сформулировать проблему демократии, наполнив конкретным смыслом то на первый взгляд парадоксальное утверждение, с которого я начал: демократия и развитие могут противоречить друг другу.

Сдвиги и заносы

История последних веков являет собой картину постепенного раскола мира на общества, способные к эндогенному, а следовательно, демократическому развитию, и другие (к тому же подвластные первым), идущие по пути экзогенного развития под традиционалистскими, популистскими и даже национал-революционными лозунгами, которые навязываются авторитарной волей правящей национальной или иноземной элиты.

К первым относятся не только передовые демократические державы центра, но и государства, где позиции демократии пока не слишком стабильны. К этой категории принадлежит множество стран, считающихся «промежуточными», от Индии до Латинской Америки.

Другой лагерь состоит из двух подгрупп. В одной авторитарные государства развиваются, опираясь на рационализм и секуляризацию, заимствованные у первого лагеря, как, например, в коммунистических странах. В другой — правящая элита призывает к единству и рагует за судьбы народа, общества, нации, как в странах «третьего мира».

Итак, перед нами четыре категории государств, объединенные в две пары. С одной стороны, центральные страны с эндогенным развитием и государства волюнтаристского, авторитарного толка. С другой — периферия с ее

неполным эндогенным развитием и страны с «неонациональным» уклоном.

История XX в. свидетельствует вначале об ускоренном переходе инициативы от первой категории ко второй (благодаря революции в России), затем к третьей (вследствие ускоренного развития «промежуточных» государств) и, наконец, к четвертой (представляющей страны «третьего мира», разбухшие национальными, социальными и религиозными движениями). На втором этапе мы видим практически одновременное крушение всех моделей экзогенного, волюнтаристского развития и успех демократии, сопровождаемый ростом привлекательности демократических идеалов для стран второй, третьей и даже четвертой группы.

При противопоставлении демократическому, эндогенному развитию развития экзогенного, авторитарного становится ясно, что наиболее трудный момент заключается в трансформации экзогенного импульса в эндогенный механизм прогресса. Эти термины могут показаться оторванными от реальной действительности, но это не так. Благодаря инициативе государства в Германии Бисмарка, Италии Кавура, Японии эпохи Мэйдзи и даже на каком-то этапе Турции Кемаля Ататюрка сформировались независимые общественные силы: предприниматели, профсоюзные лидеры, государственные чиновники, ученые — и тем самым динамизм обновления слился с автономией гражданского общества. В результате возник феномен, который экономисты называют «самостоятельное развитие».

Однако этот переход оказался успешным лишь в тех странах, где уже существовали важнейшие предпосылки эндогенного развития,

выражавшиеся в реформе образования, свободе мысли и предпринимательства, концентрации капитала. Но чем длиннее путь, тем больше опасность превращения авторитарного строя в самоцель, в деспотию, создающую новые препоны и новые неравенства. В таких условиях рационализм, планирование и просвещение вытесняются номенклатурой, бюрократической инертностью и косностью. Регресс еще более ускоряется, если главной целью провозглашают национальное самоутверждение, подкрепленное лишь богатыми природными ресурсами, в какой-то мере компенсирующими развал экономики.

Последняя треть нашего века, особенно 80-е годы, отмечены реакционными процессами, в конечном счете приведшими к кризису коммунистических режимов и к ослаблению национально-освободительных движений, зачастую прокладывающих дорогу авторитарным и коррумпированным режимам.

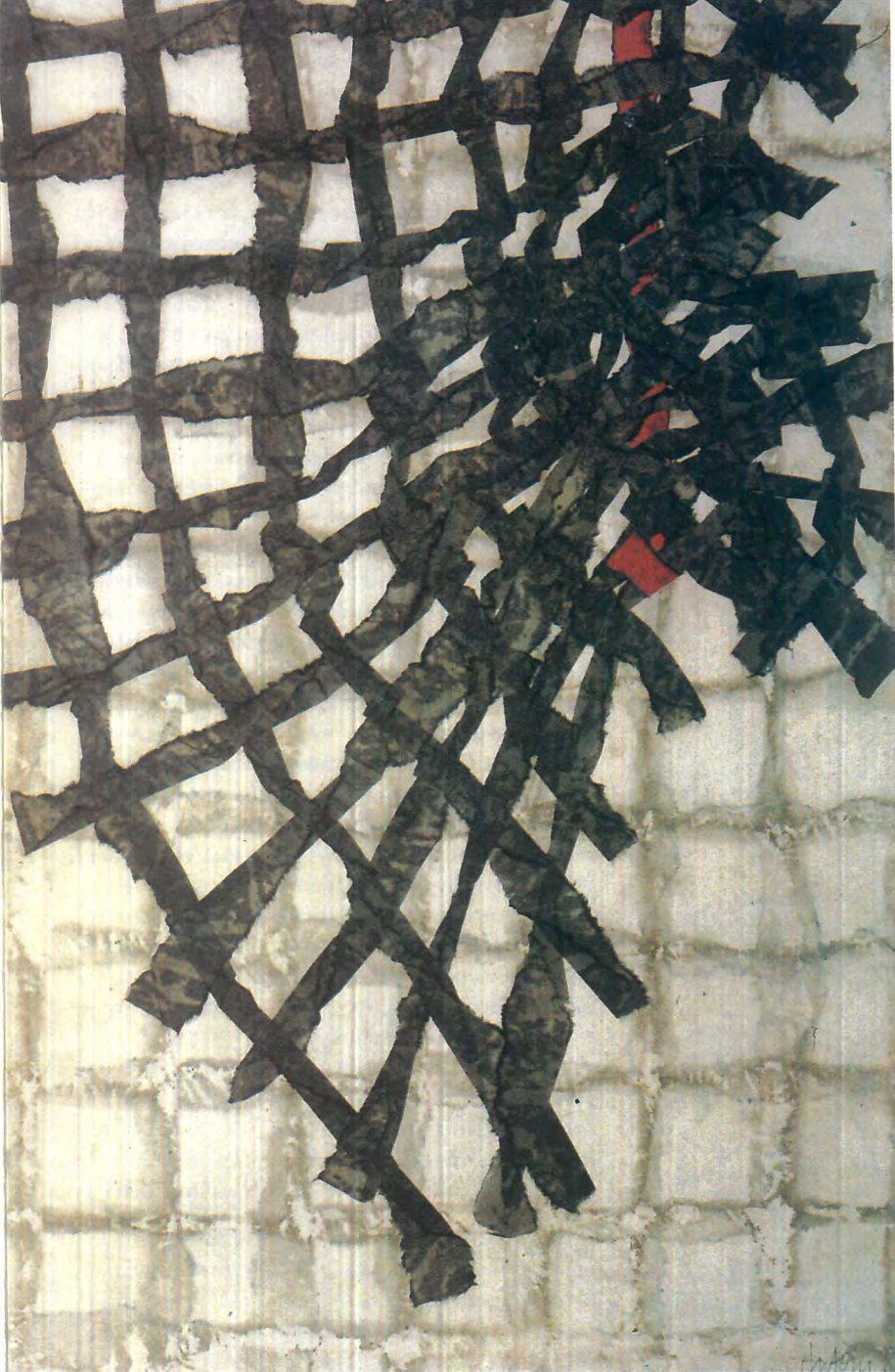
В то же время страны центра, выбитые на какое-то время из колеи энергетическим кризисом и опережающим ростом доходов по сравнению с инвестициями, а также различными социальными конфликтами, вновь обращаются к живительному источнику эндогенного развития. Одни поколения новой техники сменяются другими, ширятся образовательные и исследовательские программы и, увы, гонка вооружений.

Пути выхода из кризиса

Подобный переворот объясняется возрождением демократических ценностей и упадком

«Свобода» (1948). Гобелен французского художника Жана Люрса (1892—1966) со стихами Поля Элюара.

«Рушатся решетки» (1989), бумага, тушь, ткань, коллаж. Работа швейцарской художницы Николь Дюфур.

революционных идеалов. Недавно Франция отметила 200-летие революции, однако сегодня она рассматривается многими лишь как исток демократии, а не как предвестник русской революции.

В Латинской Америке по мере продвижения на юг революционные чаяния уступают место требованиям демократии. Так, в Чили всеобщее стремление к единению нации принесло победу умеренной оппозиции.

Но наиболее впечатляющие изменения происходят в странах Восточной Европы. В ГДР, ЧСФР, Венгрии, Польше демократический «репертуар», по меткому выражению Тилли, сменяет революционный. Нет уличного насилия, взятия штурмом государственных учреждений, применения оружия: на смену им пришли требования свободных выборов, мирные способы решения конфликтов. Общество переживает без пламенных воззваний к народу,

пролетариату. Осенью 1989 г. человечество пережило несколько прекрасных мгновений: разрушение Берлинской стены завершило эпоху революций, начавшуюся двумя столетиями раньше взятием Бастилии.

Это волнующая картина для тех, кто считает, что люди должны сами творить историю, а не подчиняться року, будь то традиция или прогресс. Однако не будем поддаваться наивным мечтам о «хеппи-энде», сулящем всем заблудшим нациям прямой путь в демократический рай. Да, люди наконец отшатнулись от диктатуры, освященной именем пролетариата, но ставшей диктатурой партий и полицейско-идеологического аппарата. И все-таки это еще не означает автоматического вступления в демократию. Чем острее политико-экономический кризис, тем больше путей выхода из него.

Первый из них (альтернативный демократическому) ведет к хаосу, возникающему, когда развал старой системы мешает становлению новой. Он более вероятен для режимов, препятствующих развитию прогрессивных сил общества. После них остается лишь социальный вакуум, благодатная почва для внутренних политических распрей.

Так, Румыния, где не существовало социального многообразия и свободы и где на протяжении многих лет сменяли друг друга диктаторские семейные кланы, после падения диктатуры оказалась на грани катастрофы.

Второй путь лежит через крайний экономический либерализм. Когда отсутствуют действенные общественные силы, когда стремление к свободе задушено прежним режимом, когда административная система управления экономикой не может приспособиться к рыночным отношениям, начинают раздаваться многочисленные голоса в защиту рынка и массового притока иностранного капитала, технологии и товаров. Так, в 1990 г. Польша резко взяла курс на либерализацию. Подскочили цены, упало благосостояние, однако правительство приобрело у народа невиданную популярность, как будто вся страна уверовала, что без отказа от старой концепции из противоречий и возможностей рынка не родится новый человек.

В Латинской Америке именно этот путь привлекает наибольшее число сторонников: слышатся призывы повернуть экономику на внешний рынок, увеличить разрыв между современными отраслями, способными выйти на международный рынок, и маргинальным, отсталым сектором. Примером подобного крайнего размежевания сил стал наркобизнес, наиболее яркое воплощение транснациональной экономики континента, которой свойственна концентрация средств в руках ограниченного круга лиц (даже если включить сюда крестьян, занятых выращиванием коки), тогда как остальное население переживает кризис, страдает от насилия, коррупции и утечки капитала.

В то же время в экономике центральных стран растет дисбаланс: движение капитала

«Электронно-вычислительная машина» (1978), холст, акриловые краски. Работа эфиопского художника Богхоссиана Скундера (см. с. 38: «Искусство против апартеида»).

превышает оборот товаров и услуг в 20—50 раз.

И наконец, существует третий путь, ориентированный не столько на сохранение тех или иных производственных отношений, сколько на защиту национального самосознания народа. На развалинах авторитарно-волюнтаристской политики модернизации поднимают голову националистические движения: в Советском Союзе армяне и азербайджанцы развязали гражданскую войну, пламя которой грозит перекинуться на другие республики и даже за пределы страны. Те, кто считал, что национализм — это движущая сила прошедших эпох, уступившая место классовой борьбе на экономической основе, жестоко ошибались.

Австромарксистам конца XIX в. и сторонникам Ленина так и не удалось объединить социальную и национальную борьбу. Ленинизм маоистского толка был, без сомнения, самым мощным политическим движением середины XX в., но антикапиталистическое и антиимпериалистическое единство, которое пытались создать под руководством коммунистической партии, оказалось искусственным, а революционные группы скатились к терроризму, приведшему к провалу этой политики в Уругвае, Аргентине, Турции и Иране.

Помимо указанных трех антидемократических путей, возможна также агрессивная реакция со стороны режимов, удерживающихся у власти лишь благодаря репрессиям, которые в итоге приведут к их крушению.

Любое из этих решений не может быть названо демократическим, поскольку в них отсутствует политический выбор, а абсолютная власть диктатуры заменяется абсолютной властью «мозговых центров» рынка либо наиболее сплоченных националистических группировок или властью насилия.

Враги демократии

Если демократия — это не способ существования общества, а всего лишь политический режим, то нельзя называть демократическим правительство только потому, что оно поднимает уровень жизни, образовательный ценз и вселяет оптимизм в сердца людей. Демократия не существует без свободы выбора представителей в рамках того или иного сообщества или целой нации. Зачем нужны правила игры, если нет игроков и игрового поля?

Большая часть мира прочно связывает свое будущее с демократическим идеалом. Яркий тому пример — падение военных режимов в Бразилии, Аргентине, Уругвае, Парагвае и Чили; конец монополии коммунистической партии в Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и даже в какой-то мере в СССР и Румынии; исчезновение левацкой оппозиции парламентским выборам в западных странах.

Все это укладывается в систему основополагающих принципов, с помощью которых я

попытался определить сущность демократии: признание существования общества, независимого от абсолютной власти государства и опирающегося на как можно менее жесткую иерархию; признание рационализма как способа разрешения социальных конфликтов с учетом разных интересов и идей и общей для всех цели и, наконец, признание главного этического принципа — права людей на безграничную свободу совести и инициативы.

Веками философы пытались найти основу демократии в свободных выборах, разделении власти, упразднении привилегий. Однако описание демократических институтов — это еще не анализ основ демократии. Я же хочу подчеркнуть, что существование демократии зиждется на двойном ограничении политической и общественной власти: на признании требований рациональности, с одной стороны, и обращении к той или иной форме естественного права — с другой. Непременным условием демократии является также максимально возможная социальная интеграция в сочетании с плюрализмом идей и интересов.

Иными словами, демократии чужды как общественная и культурная разобщенность, так и призыв ко всеобщему единству или созданию волюнтаристского государства, подменяющего собой общественные институты.

Активное участие

Все перечисленные условия существования демократии однородны. Она возможна лишь в той стране, где люди объединяются в различные политические группы, и неизбежно гибнет там, где политический выбор подчинен идущей вразрез с требованиями общества логике: будь то верность интересам нации, интеграции общества, воле правителя или даже идее обновления. Ошибаются не только те, кто связывает демократию с рыночной экономикой, но и те, кто именуется демократическим режим, пришедший к власти на волне революции или национально-освободительного движения, поддержанного большинством населения. Там, где царит безразличие, где национальное единство раздается соперничеством народов, областей, языков, религий и общественных укладов, где обострены социальные противоречия, процесс формирования политических сил, свободных политических институтов весьма труден.

Разумеется, нельзя путать страны несовершенной демократии с теми, где властвуют хаос и развал, где прямо признаются дискриминация или сегрегация. Ясно и то, что падение диктатуры вовсе не означает немедленного установления демократии. Она в первую очередь предполагает развитие демократического духа, потенциальных способностей граждан и их желание участвовать посредством свободного представительства в выработке и претворении в жизнь новых законов.

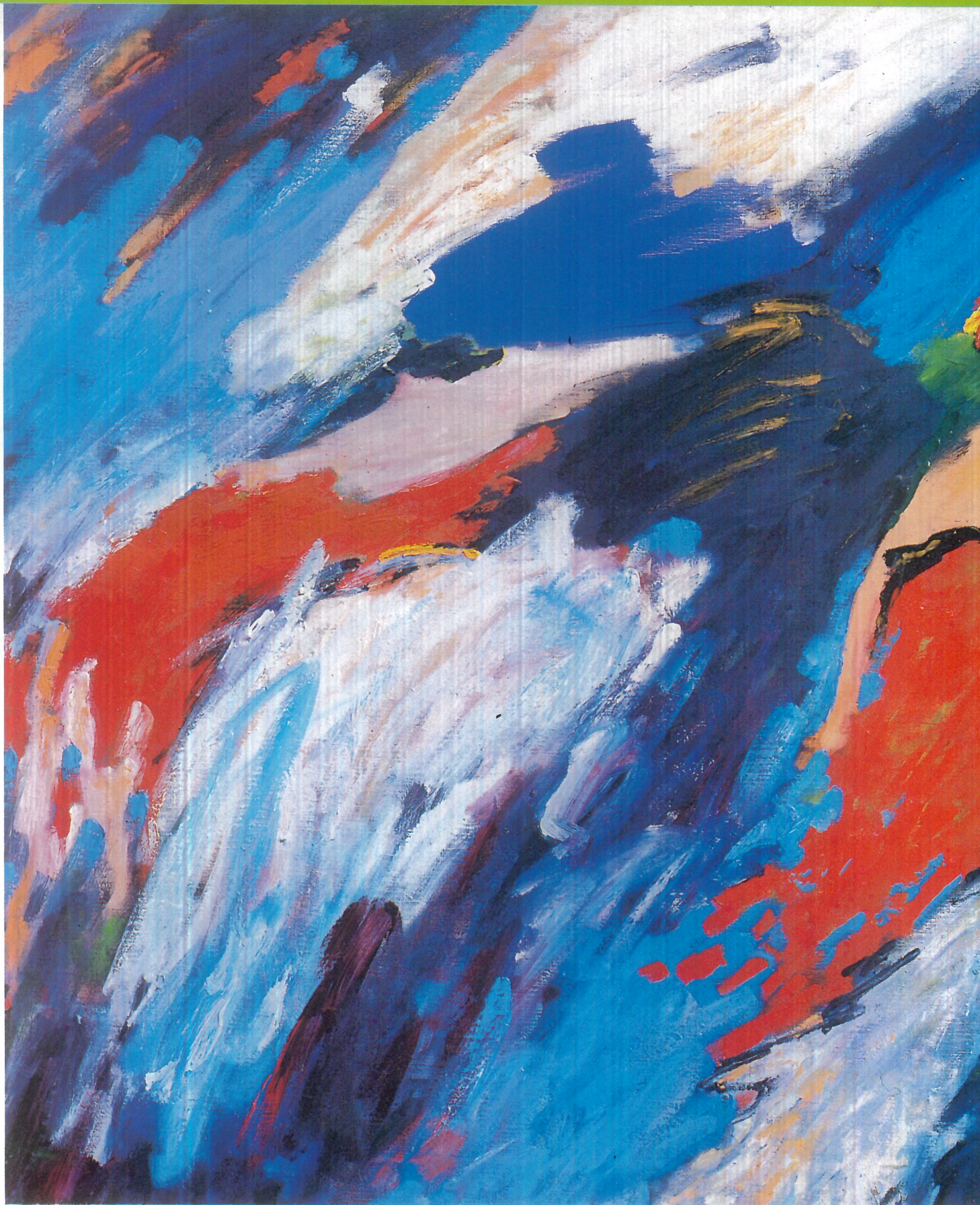

Как далеки мы от антиобщественных теорий, сторонники которых определяли демократию богатством нации, ее верованиями или даже численностью! И как важно сегодня способствовать усилению политической активности людей, развитию способности спорить и выбирать, а также умения сочетать многообразие интересов с интеграцией общества!

События последних лет и особенно месяцев ясно продемонстрировали, что демократия не связана напрямую с революцией, что она предполагает наличие способности к эндогенному развитию. Ей не укрепиться без ликвидации несоответствий в социальной и культурной сферах. Однако нам не хватает уверенности в том, что демократия требует в первую очередь активизации общественной жизни.

Есть даже люди, считающие, что политические страсти угрожают существованию демократии, что некоторая апатия, наоборот, облегчает успешное функционирование общественных институтов. Однако эта мысль так же несостоятельна, как и противоположная, когда путают демократию и массовое волеизъявление, поскольку в этом случае демократия подменяется свободой экономических сил. Там, где политическая жизнь подчинена чуждой ей логике, нет демократии. Ее основа — самое широкое участие людей в выработке и осуществлении политических решений. ■

«Свобода и Америка» (1986), бумага, пастель. Работа американского художника Руперта Гарсии, навеянная творчеством Делакруа. Аллегорическая фигура Свободы, увлекающая за собой народ, перенесена здесь на американскую почву.

СОСТРАДАНИЕ

**Выдающийся
мексиканский писатель
призывает к бдительности перед
лицом растущей бюрократизации
и распространения
всевозможных теорий,
оправдывающих проявления
деспотизма и нетерпимости.**

МЫ живем в очень трудное время, когда в области общественно-политической мысли возник некий вакуум. Крушение крупнейших политических систем, созданных в прошлом столетии, совпало с возникновением во всем мире новой социальной группы или даже класса, который за неимением более удачного определения мы называем политической и экономической бюрократией.

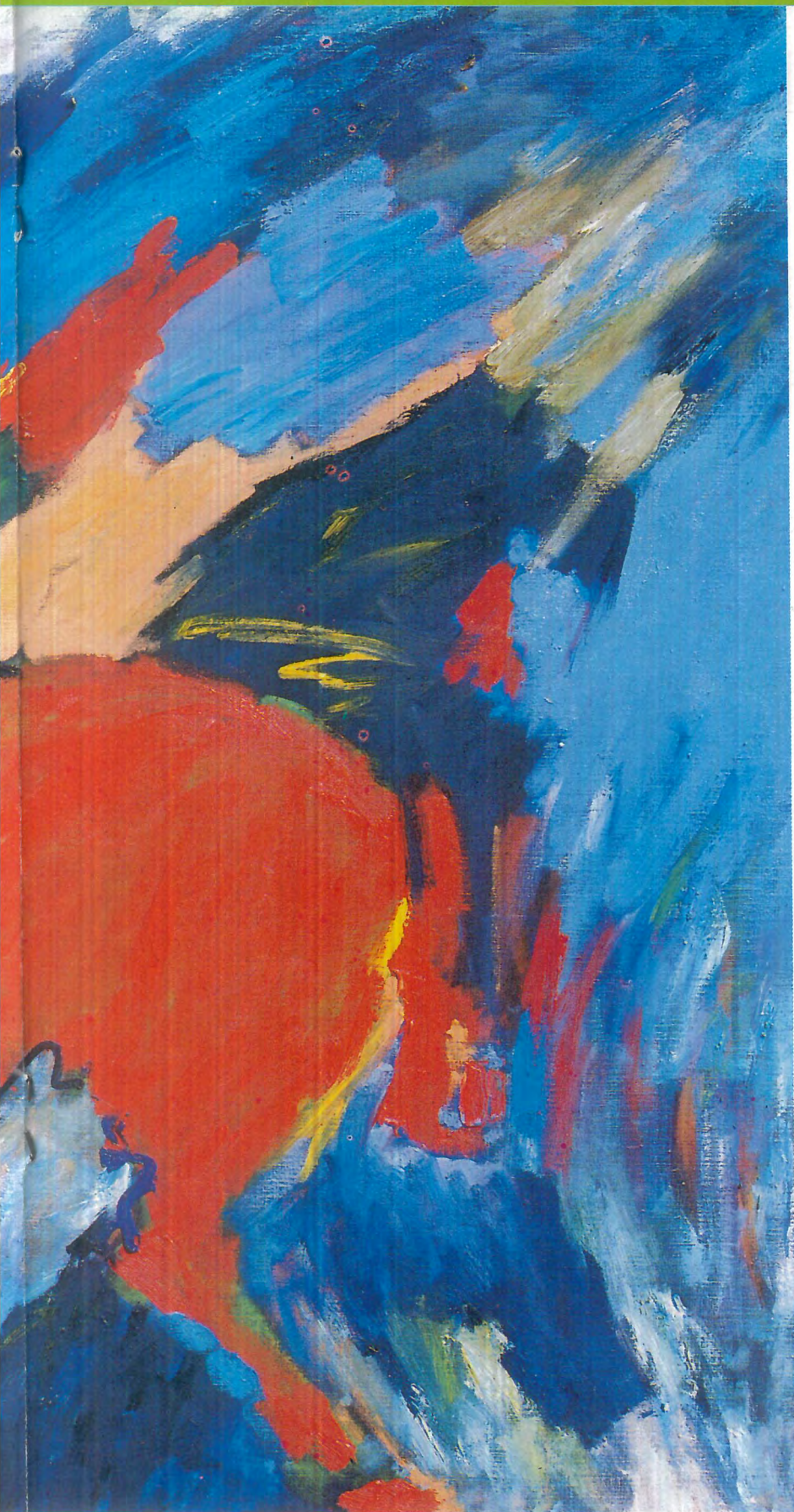
В одних странах бюрократия отождествляется с идеологией и государственной властью, в других она играет наряду с технократией решающую роль, как, например, в Мексике, хотя власть ее здесь далеко не безгранична. Этот новый класс есть во всех без исключения странах. Он занимает ключевые позиции в промышленности Запада и Японии, в политической структуре стран Восточной Европы, не говоря уже о таких организациях, как ЦРУ, а также в правительственных учреждениях развивающихся стран.

Дефицит новых политических и социальных теорий предопределен самим ходом исторического развития XX в. Это одна из примет глобального кризиса современной постиндустриальной цивилизации. Вплоть до 30-х годов многие, в том числе и я, считали социалистическую революцию единственным способом разрешения противоречий в жизни общества. Однако позднее мы убедились в том, что начатый большевиками в 1917 г. эксперимент потерпел неудачу. Революция не принесла народу ни свободы, ни равенства. Обещанное экономическое благосостояние так и не было достигнуто. Сдвиг произошел лишь в политической, а точнее, в военной области.

Конец идеологии

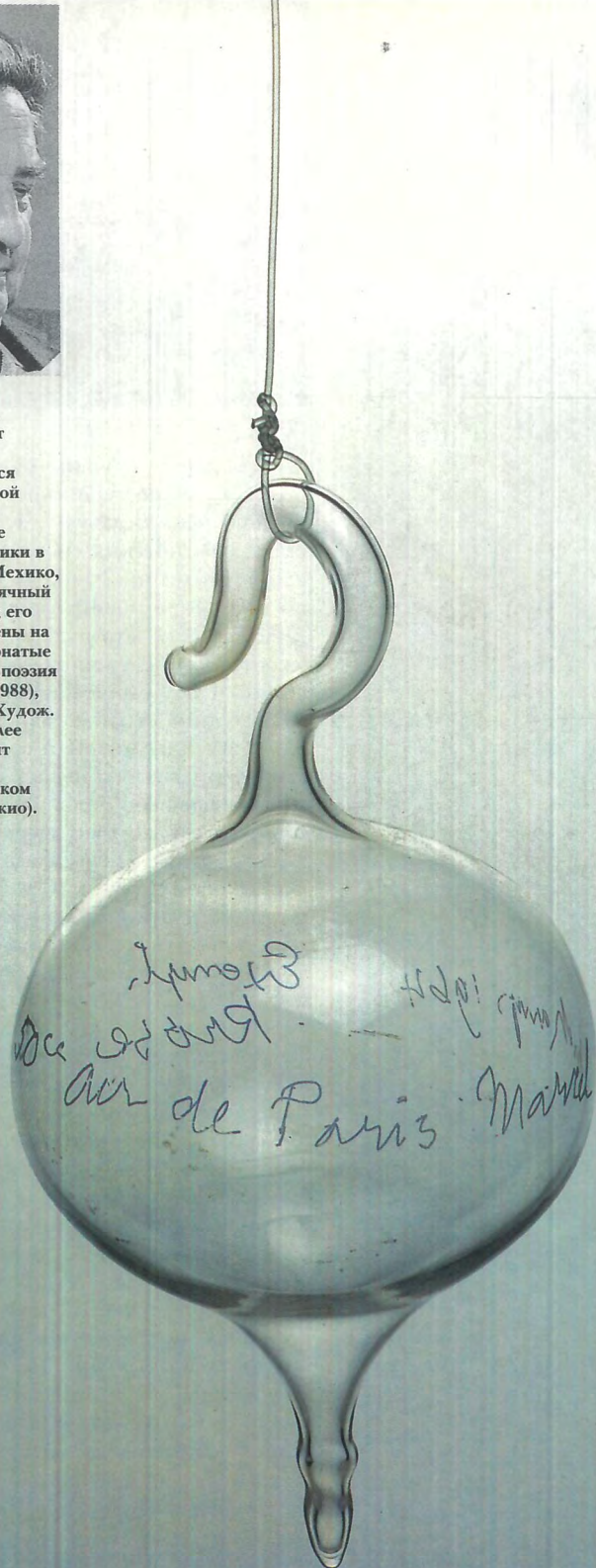
Идее революции был нанесен сокрушительный удар, она потеряла былую притягательность, особенно в развитых странах. Даже в Мексике, где интеллигенция состоит главным образом из потомков священнослужителей и придворных XVII—XVIII вв. и крайне невосприимчива к критике, среди представителей левых сил начался процесс идеологического отрезвления. Однако освобождение от утопической идеологии, заметное благодаря конструктивным реформам Михаила Горбачева даже в Советском Союзе, само по себе не означает появления нового политического мировоззрения. Пока народы и государства просто плывут по течению, поскольку в сфере обще-

«Революция», холст, масло. Работа современного кубинского художника Х. Ф. Фернадеса.

ОКТАВИО ПАС,
мексиканский поэт
и публицист;
один из выдающихся
мастеров современной
испаноязычной
литературы. В 60-е
годы был послом Мексики в
Индии, сейчас живет в Мехико,
где возглавляет ежемесячный
журнал "Vuelta". Ряд его
произведений переведены на
русский язык. См. «Пернатые
молнии». Мексиканская поэзия
XX века (М., Радуга, 1988),
«Поэты Мексики» (М.: Худож.
лит., 1975) и др. Более
подробный вариант
этой статьи был
опубликован в японском
журнале "Ichiko" (Токио).

Вверху справа: «Воздух
Парижа» (1919) Марселя
Дюшана. Ниже: бронзовая
голова Будды. Таиланд
(Аюттйская школа, XIV в.).
На с. 29: ядерный гриб
(вверху) и участок
тропического леса,
уничтоженный огнем
(внизу).

ственных идеалов и коллективной морали образовалась зияющая пустота.

Критика нравственных аспектов капитализма Марксом и анархистами актуальна и сегодня. Не менее злободневна и либеральная критика деспотизма и государственного социализма, который Энгельс называл картельным социализмом. То же можно сказать и о критике пороков современного мира со стороны христианской и других религий. И все же социализм, либерализм и другие ведущие идеологические течения, вдохновлявшие когда-то людей двадцатого столетия, после второй мировой войны утратили свою былую значимость.

Сегодня миру на земле и самому существованию человечества угрожают ядерная война и экологическая катастрофа, и это нельзя объяснить несправедливым устройством капиталистической системы или пороками социализма; корень зла в самой природе современного общества. Ядерную бомбу и загрязнение окружающей среды породила не какая-либо идеология, они — результат научно-технического прогресса. Жизнь обесценила идеологию.

Не претендуя на роль пророка, могу сказать, что в этом историческом вакууме единственной жизнеспособной системой является демократия. Но это — не панацея, а способ сосуществования, система, не допускающая человеческой бойни, обеспечивающая мирный переход верховной власти из рук в руки

и выборность главы государства. Демократия просто учит нас правилам общежития. Я верю, что настанет время, когда родится новая политическая теория, которая примирит традиции либерализма и социализма; правда, у меня, в мои 75 лет, мало надежды дожить до этого.

Что же касается мексиканской интеллектуальной микросреды, то сейчас главное — это смести пыль и паутину, открыть окна и впустить свежий воздух и солнечный свет, сохранив критический взгляд на вещи и здоровый скептицизм по поводу легкого решения проблем. Ирония — неотъемлемая черта критического подхода, но рождает ее разочарование. Мы принадлежим к поколению, утратившему иллюзии, и нам зачастую не хватает воображения и сострадания.

Я употребил слово «ирония» в том смысле, который вкладывал в него французский художник Марсель Дюшан: способность взглянуть на себя со стороны и посмеяться над собой. Ирония — это субъективная реакция личности на бессмысленную или преступную объективную реальность. Ироничный человек посмеивается над собой и над другими: метаирония — это выход за рамки диалога со своим «я» и высмеивание собственного «я», которое смеется над окружающей действительностью. Ирония может быть жестока, а метаирония эту жестокость растворяет.

Если применить эти понятия к сфере

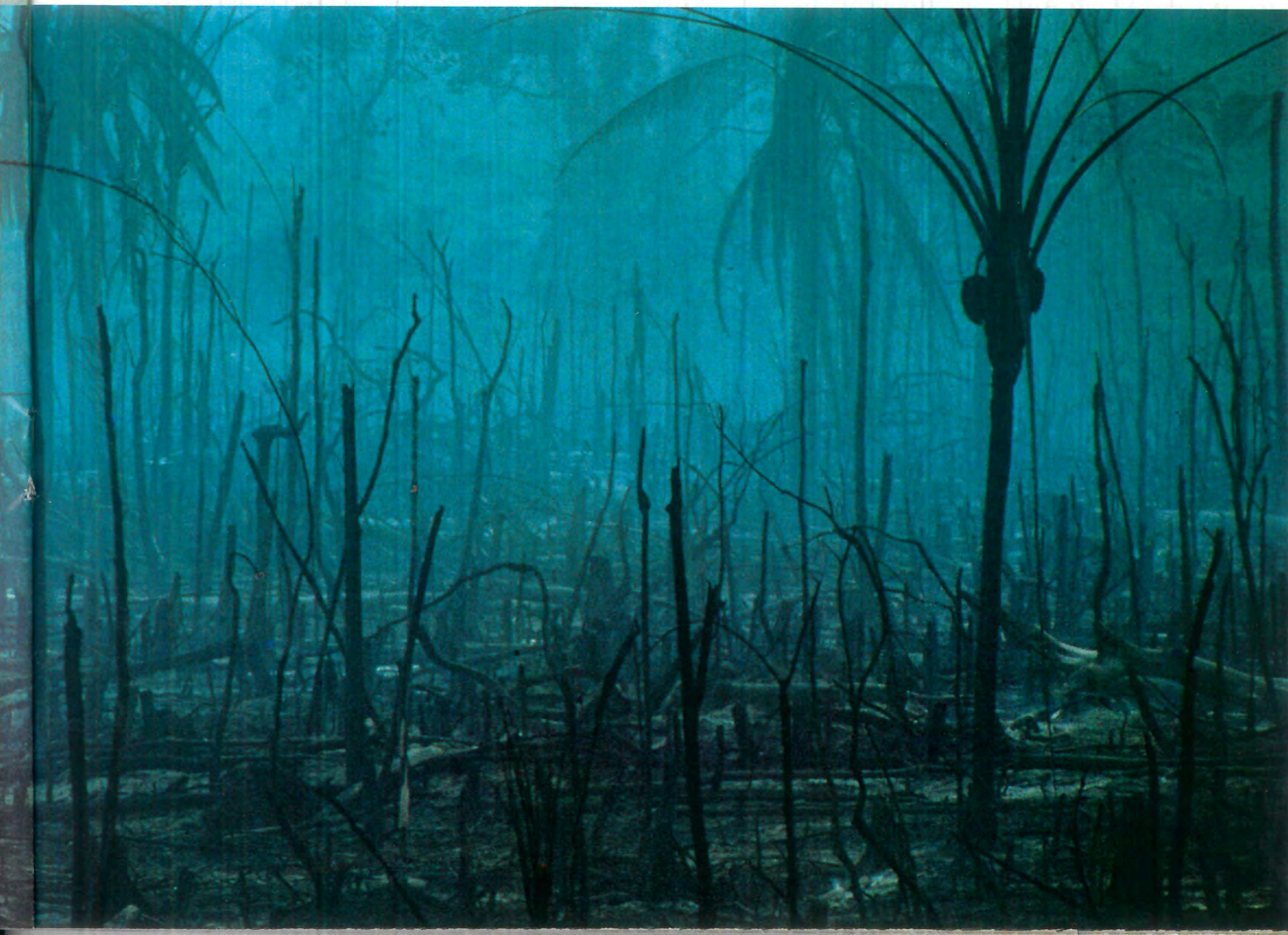

морали и политики, то, мне кажется, политологу нужно с известной долей иронии смотреть на себя и на других и не быть слишком самоуверенным, поскольку его методы и решения далеко не идеальны и не гарантированы от ошибок: ведь в природе нет абсолютных истин. А метаирония поможет ему сохранить чувство сострадания и жалости.

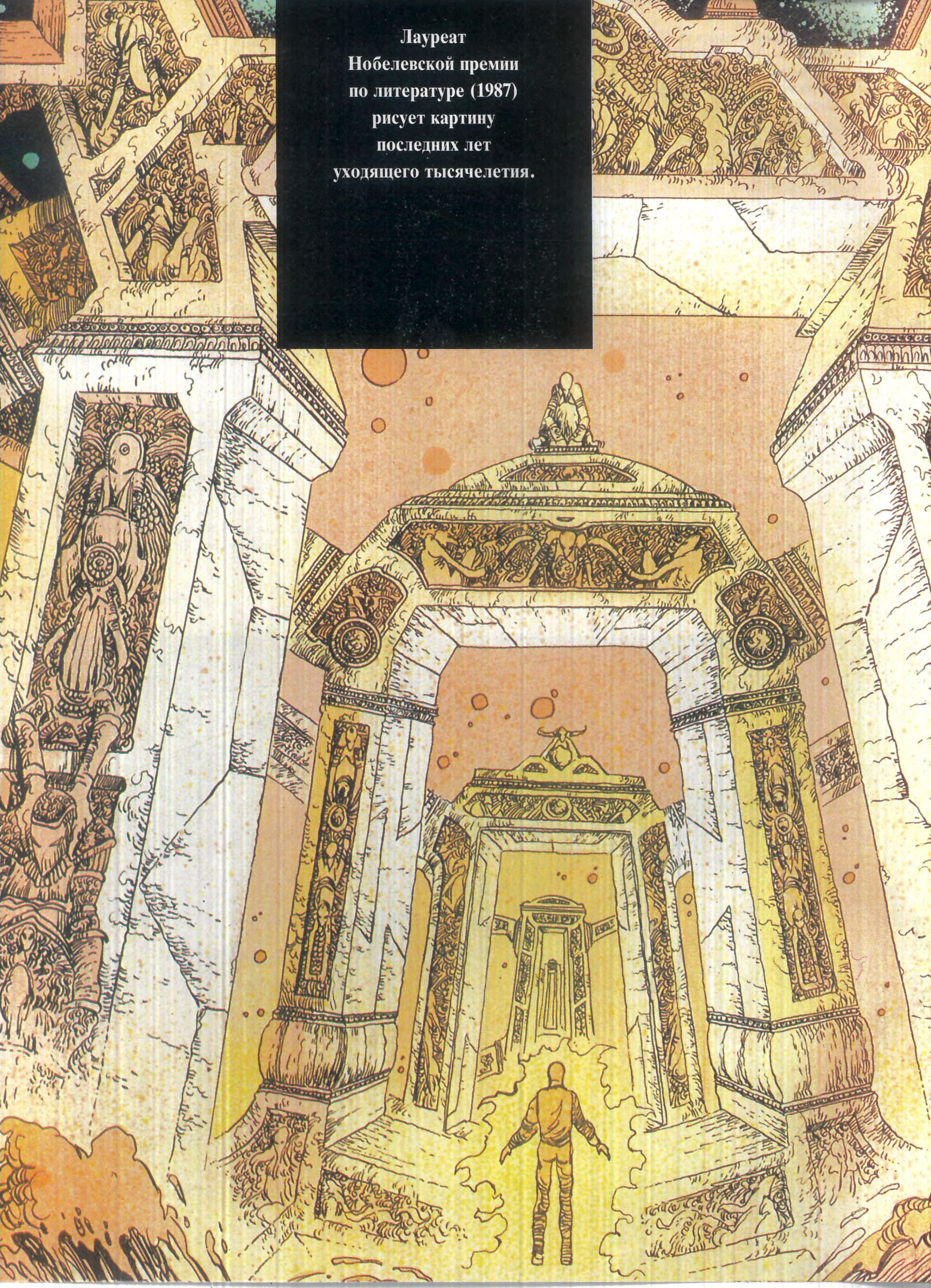
Отвратительные диктаторские режимы XX в. питались соками антигуманизма. Допускаю, что некоторые из них, как, например, сталинизм, были извращением благородных идей. Но сами эти идеи уже содержали в себе семена деспотизма и нетерпимости.

Когда-то мудрые богословы считали гордыню сатанинским грехом. У людей она рождается из притязаний на знание абсолютной истины. Под маской науки и философии этот порок отравил наше столетие.

Единственное лекарство от этого нравственного яда — критический анализ. Когда люди осознают, что они вовсе не являются носителями абсолютной истины, что все истины, в особенности политические, относительны, тогда в их сердцах найдется место иронии и сочувствию к себе и к другим. Вернуть людям чувство сострадания — вот что нам сейчас необходимо. В буддизме особенно привлекает то, что буддийские мудрецы всегда улыбаются. В их улыбке ирония и сочувствие. Политикам есть чему у них поучиться. ■

Лауреат
Нобелевской премии
по литературе (1987)
рисует картину
последних лет
уходящего тысячелетия.

ВЗГЛЯД С КАРУСЕЛИ

ИОСИФ БРОДСКИЙ

РАЗГОВОРЫ о погоде, заметил однажды польский юморист Станислав Ежи Лец, становятся интересными только при первых признаках конца света. То же самое относится к будущему накануне значительных хронологических событий, ибо хронология — дитя эсхатологии.

В свою очередь и дитя, и родитель — порождение неспособности сапиенса осознать феномен времени. Естественным последствием этой неспособности оказывается стремление одомашнить данный феномен, приспособить его к возможностям отпущенного ему, сапиенсу, рационального аппарата (феномен этот, судя по всему, и породившего). Отсюда все эти наши километры в час, календари, месяцы, годы, декады, столетия и тысячелетия; отсюда же линейная концепция времени и подразделение его на прошлое, настоящее и будущее.

Парадокс подобного подразделения, и в особенности парадокс будущего, состоит в том, что гарантирующие его смена дня и ночи и чередование времен года являются продуктом вращения планеты как вокруг своей оси, так и вокруг светила, т. е. процесса, по определению, непрерывно повторяющегося. В известной мере обитателя этого мира можно сравнить с юным наездником карусели, убежденным в том, что он соскакивает со своей лошадки не в том месте, где он на нее вскарабкался, а в качественно ином. Разница только в том, что наша карусель никогда не останавливается, что она постоянно в движении.

С движением, однако, — даже с кругообразным — обитатель этого мира привык отождествлять перемены: места, флоры, фауны, обстоятельства, психологического состояния. Это объясняется скромностью человеческого масштаба, поскольку человек перемещается не от звезды к звезде, но от подъезда к подъезду. Разнообразие

их оформления, так же как и разнообразие в облике обитателей здания или тех, кто попадается навстречу, ответственно за ощущение прогресса, за представление о движении как источнике нового качества.

Точка отсчета

Будущее, по существу, есть идея нового качества, и хронология — как бы нумерация подъездов длинной улицы, в сторону этого нового качества ведущей. Перспектива этой улицы — проспекта? авеню? — теряется в грамматическом мареве, поскольку в большинстве, по крайней мере, индоевропейских языков отношения между будущим временем и его глагольным эквивалентом всегда несколько напряженные. Это отчасти отражает противоречие между осознанием человеком его чисто биологической ограниченности и сравнительной беспредельностью его умозрительного потенциала.

Иными словами, человеческому мышлению присуща тенденция к неопределенности, более известная под именем утопичности (в равной мере дающая себя знать в деятельности как памяти, так и воображения), и концепция будущего суть одна из возможностей эту тенденцию выразить или удовлетворить. Будущее, мягко говоря, есть частная утопия индивидуума. Когда попытки ее осуществления сталкиваются с известными грамматическими трудностями, на помощь приходит хронология.

Как всякий переход от нормальной речи на язык цифр, хронология несколько упрощает дело. Будущее приобретает характер математической бесконечности, и цифры могут только расти, примиря биологически ограниченное тело с физически недостижимой, но умопостигаемой перспективой. Всякий раз, когда цифра (число) оказывается круглой, будь то конец десятилетия, столетия или тысячелетия, общество приходит в состояние невнятного для него самого воодушевления и, близорукое по природе, предается оргии дальновзоркости и фанта-

Иллюстрация, выполненная Филиппом Дрюе к французскому изданию книги "Demons and Marvels" американского писателя Г. Ф. Лавкрафта (1890—1937), мастера литературных фантазий.

ИОСИФ БРОДСКИЙ,
русский поэт и публицист;
лауреат Нобелевской
премии по литературе
(1987). В 1964 г. был
обвинен в СССР
в тунеядстве
и приговорен к пяти
годам ссылки и
принудительных
работ. В 1966 г.
был освобожден. С 1972 г.
проживает в США, где в
настоящее время преподает
литературу в колледже
Маунт-Хоулиок. В 1990 г.
в издательстве
«Художественная
литература»
выйдет в свет книга «Часть
речи», в которую войдут
избранные стихи Иосифа
Бродского, написанные в
1962—1988 гг.

зиям о перемене миропорядка. Явление это именуется миллениаризмом.

Хронология, по определению, не-семантическая, и хронологическое событие на самом деле не- или антисобытие. Будущее, сиречь новое качество, вторгается в действительность индивидуума или нации не по расписанию и предпочитает, судя по всему, числа нечетные (например, 1939 г.). Чаще всего оно рядится в одежды научного открытия, популяционного взрыва, технологической новации, войны или лексического оскудения. Менее всего будущее стремится облечь себя в форму социальных перемен — хотя бы уже потому, что гардероб этот чрезвычайно ограничен: речь может идти только о различных оттенках автократии или демократии.

Наиболее распространенным туалетом, в котором будущее переступает порог, являются ускорение — в средствах перемещения, так же как и в ритмах музыки, — и возникновение новой системы вооружений. Тогда как последнее предполагает увеличение объектов уничтожения, первое, как правило, возвещает о возникновении мироощущения, соответствующего нажатию курка или, точнее, кнопки. Можно, например, не без оснований утверждать, что будущее действительно наступило в нашем столетии с первыми звуками буги-вуги, отменившими начисто понятие индивидуальной мелодии или мотивчика, что аналогично судьбе понятия частной трагедии в свете ядерной катастрофы. С другой стороны, появление дистанционного переключателя телевизионных каналов следует рассматривать как вторжение XXI века в наше время: мелькание на экране бунтующих толп вперемежку с апельсиновым соком и новой маркой автомобиля содержит пророчество нашего психического ландшафта. Частота

смены объектов внимания подготавливает сознание к демографическому содержанию хронологической перспективы, именуемой будущим.

Точнее: сама хронологическая перспектива вторгается в современное сознание. Будучи порождением нашего собственного мышления, будущее стремится наступить елико возможно раньше, дабы адаптировать потенциал воображения к реальности настоящего, дабы примирить бесконечное с конечным, утопию с ее создателем. Как правило, вторжение будущего в настоящее носит характер несколько некомфортательный, если не обескураживающий. Можно утверждать, что почти все то, что мы воспринимаем как афронт или неприятность, есть голос будущего. Ибо оно стремится расчистить себе место в настоящем. Любое предательство, жертвой которого мы становимся или которое мы сами совершаем, также есть голос будущего в настоящем — не только потому, что предательство всегда совершается именно во имя будущего и никогда во имя прошлого или настоящего, но потому, что в результате предательства существование обретает новое качество. Что, как мы знаем, есть синоним будущего.

Судя по всему, разговор о будущем на уровне психологическом нестерпим, на уровне философском — невыносим или немислим. Если будущее вообще что-либо значит, то это в первую очередь наше отсутствие. Первое, что мы обнаруживаем, в него заглядывая, — это наше небытие. Размышление о небытии, если оно не настроивает на религиозный лад, отбрасывает индивидуума назад в его реальность: из языка цифр — в семантику, из хронологической перспективы — к подъезду дома, в котором он обретается. С обитателями этого дома разговаривать о будущем можно в лучшем случае на языке

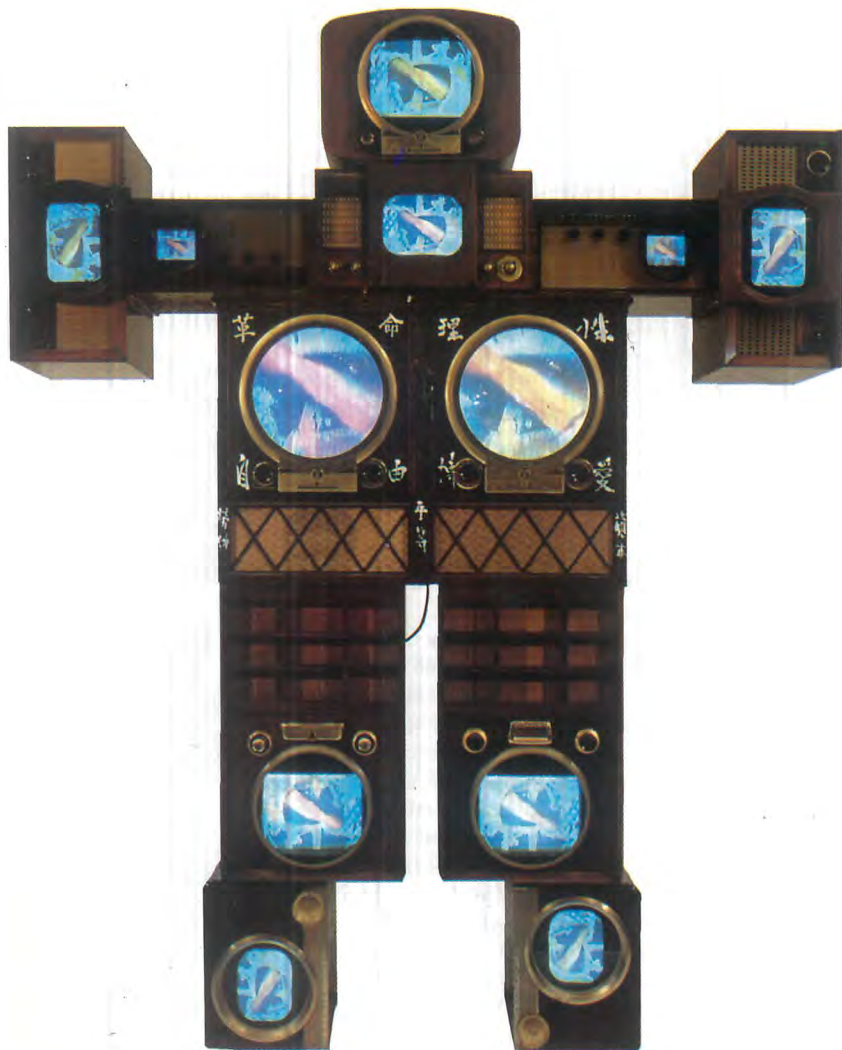
сугубо политическом и не слишком заглядывая вперед. Ниже — несколько слов о предстоящем десятилетии, несколько слов человека, в этом доме еще обитающего: монолог жильца.

Наступление гигантов

Десятилетие, остающееся до наступления 3-го тысячелетия от Рождества Христова, неизбежно должно породить милленарное мироощущение эпидемического характера, угрожающее прежде всего благодаря средствам массовой информации, которые неминуемо окажутся в его распоряжении. Скорее всего, оно примет форму экологического радикализма с сильной примесью нормальной эсхатологии. Ощущение конца — столетия, тысячелетия, привычного миропорядка, — сопровождается возрастающей частотой экологических катастроф, вполне способно облечься в убийственные или самоубийственные формы. Ужас конечности собственного существования лучше всего заглушается воплем о всеобщей гибели.

К этому следует добавить гигантский популяционный взрыв, в результате которого значительный процент переживающих ныне период сравнительного благоденствия окажется в положении из этого мира вытесняемых. Неизбежная потребность в общем знаменателе, отсутствие сколь бы то ни было внятной или убедительной идеологии и — главное — антииндивидуалисти-

На с. 32: «Ветер» (1985), бумага, акриловые краски. Работа русского художника Юрия Миракова.
Внизу: «Дантон» (1989), скульптура-робот, сконструированная из старых телевизоров корейским художником Нам Джун Пакком.

ческий пафос перенаселенного мира вполне могут собрать под экологические знамена самые разнообразные формы и степени неудовлетворенности существованием. Конец столетия, тем более тысячелетия, всегда сопровождается мыслью о перемене миропорядка. Чем более эта мысль невнятна, тем более она захватывающая. Единственное утешение в том, что новый Томас Мюнцер должен говорить на одном — скорее всего, европейском — языке, что наряду с физической географией сможет несколько удержать национальный или даже интернациональный психоз от перехода в глобальный.

Помимо стремления к реорганизации мира, катастрофизм милленарного мышления может также найти себе выражение в вооруженных конфликтах религиозного и/или этнического порядка. К двухтысячному году так называемая белая раса составит всего лишь 11 (одиннадцать) процентов населения земного шара. Вполне вероятным представляется столкновение радикального крыла мусульманского мира с тем, что осталось от христианской культуры. Религиозные или этнические войны неизбежны хотя бы уже потому, что чем сложнее картина реального мира, тем сильнее импульс к ее упрощению.

Конфликтам этим суждено носить кровавый, но временный характер. Подлинным эквивалентом третьей мировой войны, однако, представляется перспектива войны экономической, главной ареной которой, судя по всему, окажется западная часть Евразии и, возможно, США. Отсутствие международного антитрестовского законодательства, особенно в сфере деятельности банков, обеспечивает перспективу абсолютно ничем не ограниченного соперничества, где все средства хороши и где смысл победы — доминирующее положение. Битвы этой войны будут носить супернациональный характер, но торжество всегда будет национальным, т. е. по месту прописки победителя.

Скорей всего, речь идет о Германии и, возможно, Японии. Объединение Германии, буде оно возьмет место — в соответствии с тем же самым принципом упрощения сложного, — создаст в центре Европы финансовое и индустриальное чудовище, не имеющее себе равных. Финансовое могущество принимает обычно разнообразные формы экспансии — экономической, политической, культурной. В отличие от своих предшественников новый рейх, скорее всего, предпримет чисто гедонистический «дранг нах зюд», где уже сегодня 90% обитателей итальянского острова Иския бегло говорят по-немецки. Купить проще, чем убить. Национальный долг как форма оккупации надежной воинского гарнизона — что наконец дошло до сознания даже отпрысков Вотана.

Единственной формой защиты от подобной экспансии для обитателей Евразии могло бы оказаться создание финансово-политических союзов или блоков, ибо ни одна страна в отдельности не будет в состоянии выдержать соперничество с немецким гигантом. Разумным представлялось бы создание подобных блоков на культурной или исторической основе. Так, например, имел бы смысл финансово-политический союз Италии, Испании и Франции или союз стран — бывших участниц КОМЕКОНа. В равной мере осуществимыми кажутся подобные

объединения Скандинавских стран и Великобритании со странами Бенилюкса. Что касается проекта Объединенной Европы, он представляется не альтернативой вышеупомянутых союзов, но ровно наоборот: автобаном для продвижения Германии — объединенной или нет — к своей сознательной или неосознанной, вызванной попросту ростом ее финансовой мощи, цели.

Осуществление вышеизложенной грезы маловероятно. Если ему суждено произойти, то произойти оно должно не позже 1995 года, ибо к этому времени Германия, даже не объединенная, достигнет, судя по имеющимся прогнозам, той степени экономического превосходства над своими европейскими партнерами, когда еще вышеупомянутая экспансия окажется не столько неизбежной, сколько необратимой.

Аналогичного развития событий следует ожидать и на Востоке, от Страны восходящего солнца. Сопротивление росту ее могущества в форме блоков, однако, еще менее вероятно, чем в Европе, — тем более что на данном этапе направлением японской экономической экспансии в свою очередь оказывается не традиционный Юг, но Восток и Запад. Можно даже предположить возникновение финансово-политической оси Берлин—Токио. На сегодняшний день Страна восходящего солнца все более напоминает поведение другой островной империи, над которой еще пятьдесят лет назад солнце никогда не заходило.

Старое и новое

В целом же к 1995 году мир, судя по всему, — с блоками или без — окажется примерно в той же ситуации, что и в 1905-м. Суть в том, что география — во всяком случае, европейская — предоставляет истории весьма ограниченное число вариантов. Более того, число это, грубо говоря, обратно пропорционально природе населения. Представляется вполне вероятным, что страны Восточной Европы (являющие собой территориальный эквивалент Австро-Венгерской империи), высвободившись из-под коммунистического господства, окажутся в положении стран-должников. Франция, Италия, Испания и Португалия, разумеется, сохраняют свою территориальную и административную целостность; однако политическая их жизнь обещает подвергнуться значительной доле пронемецкой финляндизации. Примерно то же самое произойдет на севере Европы, с той лишь разницей, что по этническим причинам это будет менее ощутимо. Менее всего переменам подвергнутся, надо полагать, Великобритания и Балканы, в равной мере поглощенные своими этническими конфликтами и противоречиями. Нечто подобное может ожидать и Соединенные Штаты, что наряду с проблемами экономического характера может вызвать их возврат к политике относительного изоляционизма.

1995 год будет напоминать 1905-й и в России, как 1990-й напоминает его уже сегодня. Для страны это будет периодом выработки новых конституционных норм и борьбы за сохранение территориального периметра. Совершенно неважно, кто будет стоять во главе государства.

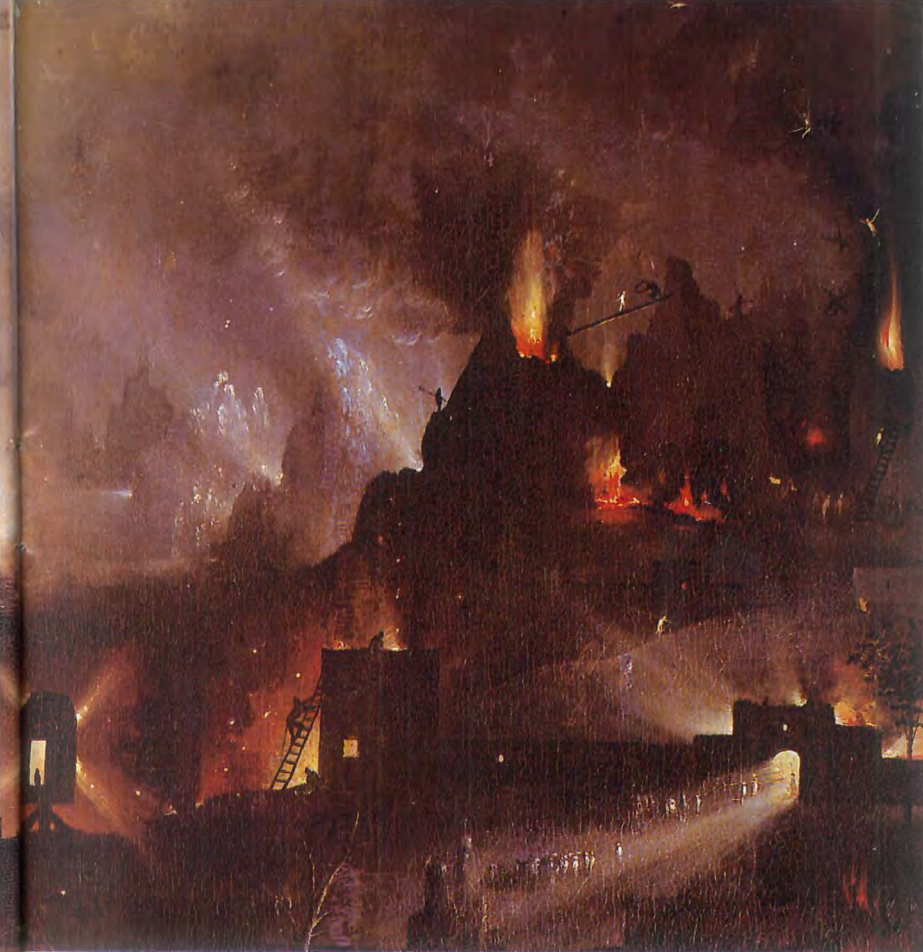

Скорей всего, это будет тот же человек, что и сегодня, если он только не сойдет с ума или не надорвется иным образом. Этот вариант его конца более вероятен, нежели то, что он падет жертвой борьбы за власть, ибо трудно предположить, что кому-либо придет в голову бороться за власть над тем хаосом и противоречиями, которые будут царить в стране последующее десятилетие. В известной мере они — хаос и противоречия — являются гарантией стабильности власти, пытающейся их упорядочить и разрешить. Объем проблем, стоящих перед главой Советского государства, чудовищен, ибо он прямо пропорционален семидесятилетнему периоду их создания. На сегодняшний день они носят уже органический характер. Любая попытка решить их радикальным путем, таким образом, будет тавтологичной, т. е. отбросит страну в то семидесятилетие, которое проблемы эти породило. Решение их требует качественно новой методологии, и на выработку этой методологии и уйдут ближайшие годы.

Вполне возможно, что на решение проблем, порожденных десятилетиями, в свою очередь потребуются десятилетия. Не хотелось бы так думать, однако это так, и несмотря на любые демократические реформы, Россия к 1995 году будет представлять собой затаившийся вегетирующий кризис, в защиту которого можно привести только довод его органичности. То, что происходит в СССР сегодня, как это ни парадоксально, завораживает ощущением экзистенциальной правды, ибо никто не знает, как жить. Любая политическая система, включая демократическую, есть бегство от этой правды; и к чести нынешнего руководства СССР можно сказать, что оно не пытается — или просто не в состо-

Вверху: фрагмент картины «Ад», правой части триптиха «Сад наслаждений» Хиеронимуса Босха (ок. 1450—1516).
Внизу: «Тотем» (1983), дерево, эмаль. Работа американского художника Кита Херинга.
На с. 35: атомная электростанция.

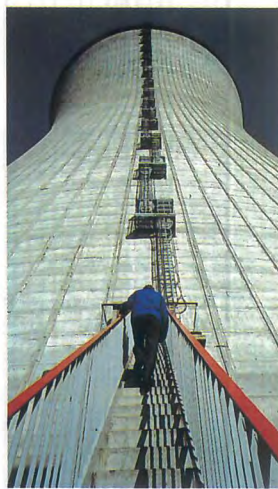
янии — упростить для себя и для своих подданных представшей перед ними во всей своей сложности экзистенциальной картины.

Во всяком случае, роль России в международных отношениях, и в частности в жизни европейских стран, к 1995 году будет пропорционально соответствовать ее роли в 1905-м. Кто бы ни пришел в СССР к власти в обозримом будущем, он унаследует скорее проблемы, чем методы их решения; и тот факт, что население недолюбливает нынешнего государя, говорит только в пользу последнего. Нелюбовь эта, по существу, нелюбовь больного к врачу, и свидетельствует о нравственном по крайней мере выздоровлении страны. Любовь без малого трехсотмиллионного народа может пользоваться только демагог.

Тропическая лихорадка

Затянувшийся кризис, судя по всему, обещает стать нормой политического и экономического существования в предстоящем десятилетии повсеместно. Время ясных и радикальных — включая военные — решений внутринациональных и международных проблем, время единогласия и единодушия по какому бы то ни было политическому или экономическому вопросу — это время миновало. С современным приростом населения даже демократическая процедура меняет свой характер: объем масс, вовлеченных в политический процесс, меняет саму концепцию меньшинства, исчисляемую десятками — а в случае демократизации сотнями — миллионами.

По этой причине ни одна революция — даже

в относительно небольшой стране — не будет решающей. Что более существенно, ни одна идеология не будет доминирующей. Более того, революции — если они и будут происходить — будут происходить не в соответствии с тем или иным философским учением, ибо ни одно философское учение не будет обладать абсолютным авторитетом, но скорее стихийно и истерически, и захватившие власть не будут в состоянии подолгу ее удерживать, несмотря на новейшие средства контроля над населением. То, что будет называться революцией или революционными переменами, будет, по существу, всего лишь стадиями вышеупомянутого затяжного кризиса.

Сказанное в первую очередь относится к странам Латинской Америки и к Африке. Как в случае с первыми, так и особенно в случае последней эти географические категории в течение ближайшего десятилетия обещают утратить свою политическую значимость для цивилизованного Запада. В определенном смысле они окажутся жертвами перемен, происходящих в Восточной Европе и обещающих Западу дешевую, но квалифицированную рабочую силу. Внимание — политическое и финансовое — промышленно развитого Запада будет сосредоточено на них в ущерб странам «третьего мира». Африка, в частности, перестав быть зоной соперничества сверхдержав, окажется предоставленной более, чем ныне, самой себе, т. е. голоду, эпидемиям и, возможно, более энергичным и откровенным попыткам адаптации заимствованных извне форм политического самоуправления к императивам своего этнического наследия. Возможную монструозность подобных преобразований, скорее всего, следует рассматривать как свидетельство завершения процесса деколонизации — чем, вероятно, Запад и сможет мотивировать переключение внимания со стран «третьего мира» на вышеупомянутые районы Евразии.

Эта перемена фокуса, разумеется, не будет окончательной. Нищета и особенно перенаселенность «третьего мира» всегда будут представлять благоприятную перспективу как источник дешевой рабочей силы и рынок сбыта. Однако в течение следующего десятилетия промышленно развитые страны, захлестываемые иммиграционными волнами наряду со значительным приростом собственного населения, обещают сами оказаться во власти обстоятельств, характерных для бывших своих подопечных. В известном смысле феномен затяжного, попеременно вспыхивающего и затухающего кризиса есть род тропической лихорадки, которой Северному полушарию суждено расплачиваться за свою предприимчивость в Южном.

Место в настоящем

Если все вышеизложенное справедливо хотя бы наполовину, следующее десятилетие будет десятилетием нового эгалитаризма. Традиционные концепции национальной, этнической, культурной уникальности уступят ощущению общего знаменателя, каковым окажется кризисное состояние большинства национальных эконо-

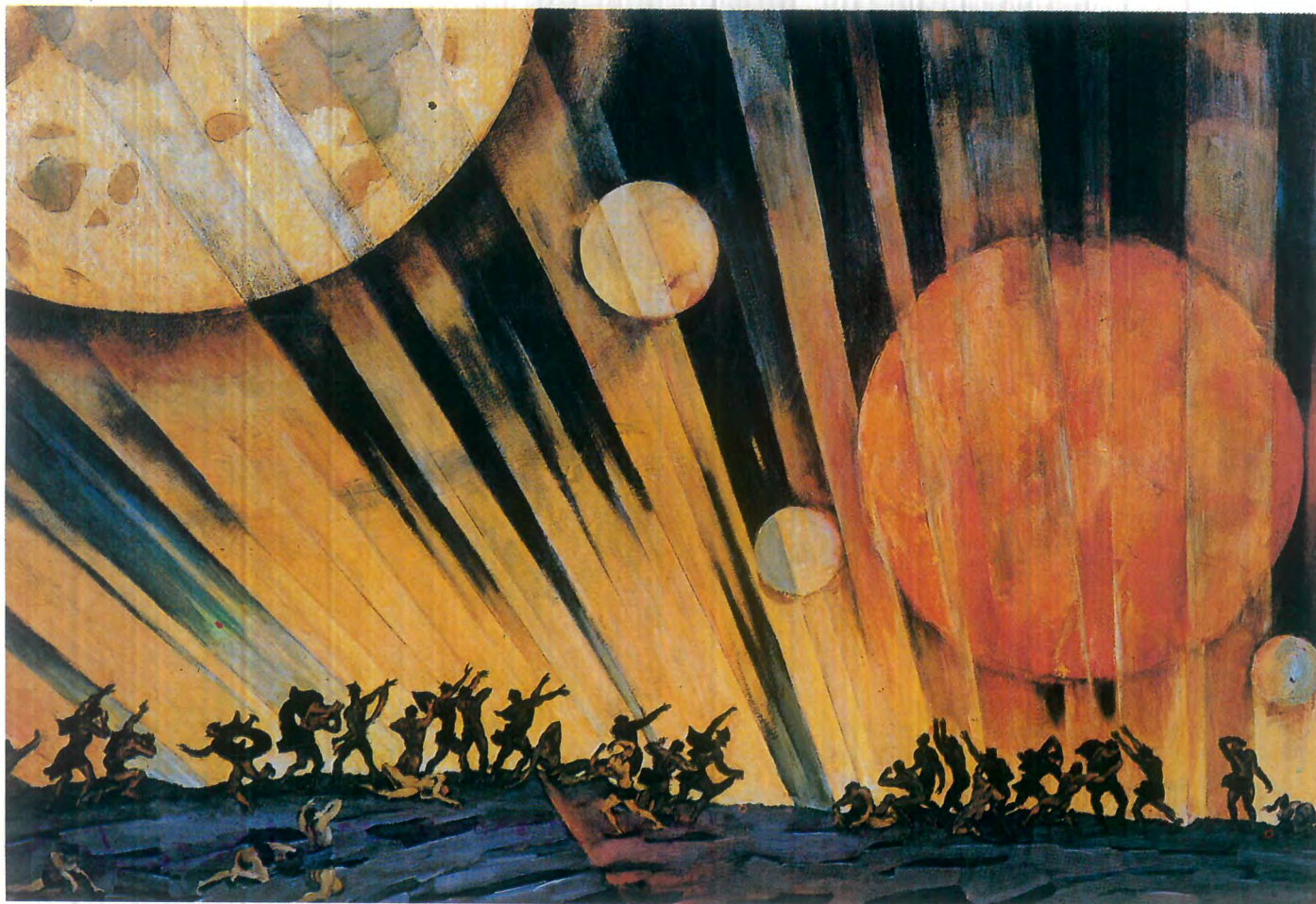
мик. Прежде всего этот новый эгалитаризм выразится в эрозии чисто культурного свойства. Уже сегодня система образования ряда развитых стран претерпевает значительные изменения экуменистического свойства, уже сегодня слышна проповедь метафизического релятивизма и эквивалентности религиозных доктрин, уравнивающая нетерпимость и терпимость. Уже сегодня существует понятие «интернационального стиля» в искусстве — главным образом, впрочем, в изобразительном.

Перспектива возникновения более справедливого общества в течение предстоящего десятилетия представляется маловероятной. Хотелось бы надеяться, что оно не окажется более несправедливым, чем то, что нам уже известно. Единственной гарантией относительной справедливости общества является нравственность его членов; но трудно представить экономическую необходимость в качестве источника нравственного воспитания. В лучшем случае общество будущего будет обществом эгоистическим и равнодушным, лишенным каких-либо нравственных авторитетов. Единственная надежда подобного общества — это именно демографический масштаб его эгоизма и равнодушия, которые вынудят его поставить свою организацию не на идеологическую, но на технологическую основу и заставят человека доверять компьютеру более, нежели себе подобному. По крайней мере таким способом можно будет на некоторое время избежать кровопролития, ибо никому не придет в голову кидаться с ножом на машину, случись той перепутать демократию с демографией.

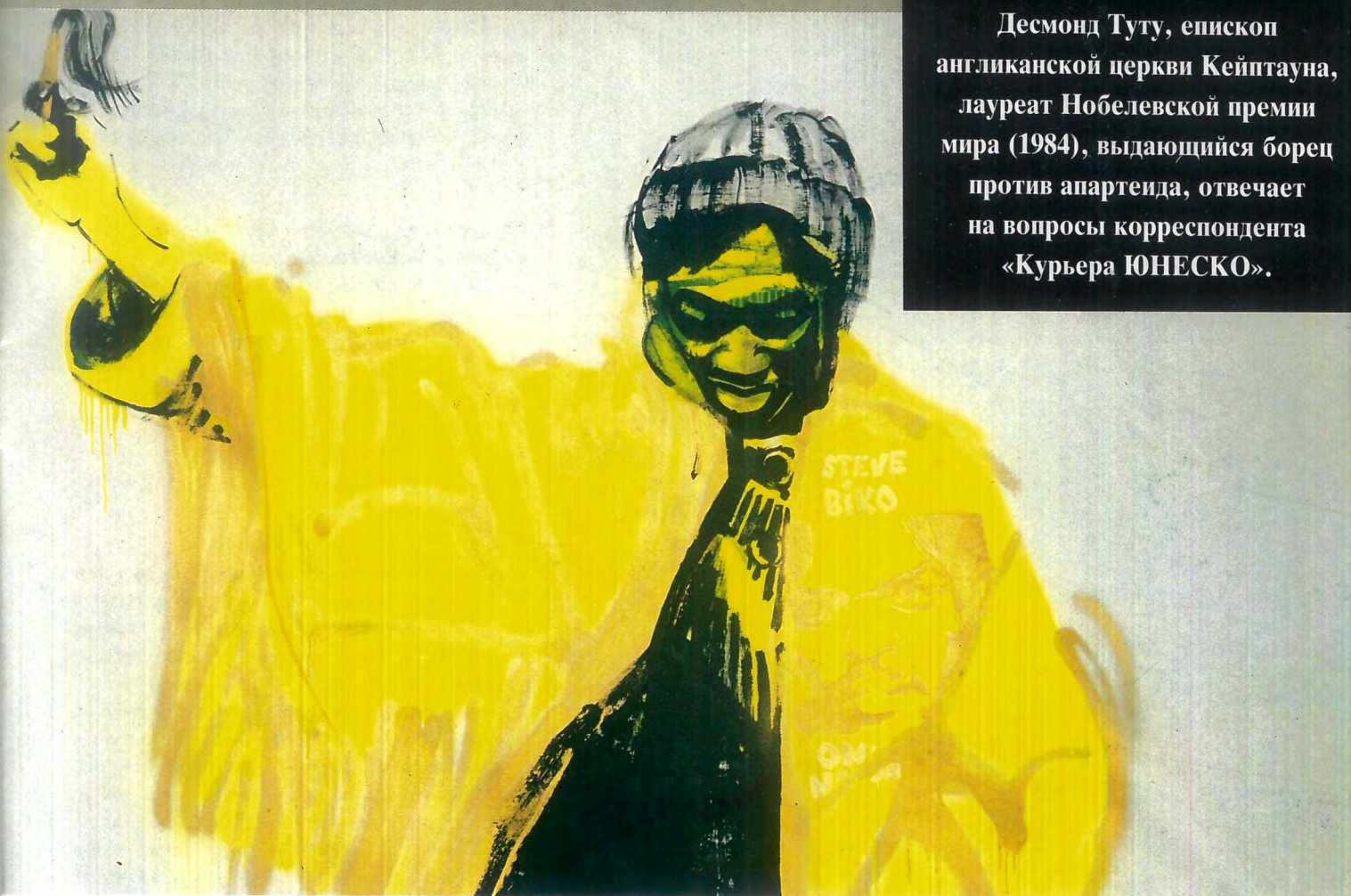
Поэтому лучше оставить будущее в покое, лучше попытаться распорядиться по возможности наиболее толковым образом настоящим и проявить больше внимания к ближним и дальним в пространстве, нежели во времени. Те, кто займет наше место, кто будет жить в наших городах, в наших квартирах, спать в наших спальнях и т. д. и т. п., не поблагодарят и не проклянут нас за то, в каком состоянии мы оставили им этот мир, — как и мы не благодарим и не проклинаем наших предшественников, будучи заняты проблемами и сентиментами более насущными.

То, что нам представляется будущим, явится для тех, кому суждено жить на земле после нас, настоящим. Поэтому лучше строить дома и больницы для тех, кто бездомен или немощен сегодня, и лучше строить их прочными и не слишком уродливыми. Лучше стремиться быть справедливыми сейчас, чем рассчитывать на торжество справедливости и здравого смысла впоследствии. Созданное нами сегодня обернется для наших преемников фауной и флорой, естественной средой, так же как и для нынешних двадцати- и тридцатилетних такой средой представляются уже плоды совместных усилий Корбюзье и Люфтваффе. Уже хотя бы поэтому трудно предполагать за будущим значительные преимущества и достоинства. Не менее затруднительным представляется завидовать нашим преемникам и предаваться фантазиям насчет общества будущего. Вполне возможно, что это именно мы находимся в преимущественном положении, ибо, творя добро так же, как, впрочем, и зло, мы еще знали — кому.

«Новая планета», картина
К. Юона (1875—1958).

Десмонд Туту, епископ англиканской церкви Кейптауна, лауреат Нобелевской премии мира (1984), выдающийся борец против апартеида, отвечает на вопросы корреспондента «Курьера ЮНЕСКО».

“НАС НЕ ОСТАНОВИТЬ...”

ДЕСМОНД ТУТУ

В Восточной Европе сейчас в центре внимания находятся вопросы свободы и прав человека. Можно ли сказать, что они так же актуальны в Южной Африке?

— Да, в Южной Африке идут процессы, аналогичные движению за свободу и уважение прав человека в Восточной Европе.

Однако между ситуациями, сложившимися в этих двух регионах, существуют серьезные различия: ведь в основе угнетения большинства населения Южной Африки лежит расовый принцип. Особенность расизма заключается в том, что он побуждает людей, уверенных в своем превосходстве, относиться к другим как к существам второго сорта. Именно поэтому расисты, сталкиваясь с проявлениями массового протеста, с меньшими колебаниями отдают приказ полиции или войскам стрелять в демон-

странтов, чем те, кто сознает, что убивает своих собратьев. По-моему, в странах Восточной Европы, за исключением Румынии, власти проявляли большую сдержанность, чем южноафриканские правители.

Кроме того, жители восточноевропейских стран имели большие возможности распоряжаться собственной судьбой и участвовать в экономическом развитии, чем чернокожие в Южной Африке. Во многих этих странах сохранились в памяти демократические традиции прошлого. А в Южной Африке вот уже триста лет практикуется расовая дискриминация людей, которые в свою очередь постоянно борются за возможность участвовать в жизни своей страны на демократической основе. Однако достичь этой цели так и не удалось. На протяжении индустриальной эры большинство

«Бримстоун» (вверху), «После апартеида» (ниже) и «Дань Стиву Бико» (на с. 37) — холст, акриловые и фосфоресцирующие краски (1978). Работы Флуомена (псевдоним французского художника Антуана Трикова). См. также с. 24, 46 и 50.

ИСКУССТВО ПРОТИВ АПАРТЕИДА

«Апартеид: режущее слух, жестокое слово, своим звучанием напоминающее скрип лестницы, ведущей на эшафот» (Мишель Лейрис).

Ассоциация «Художники мира против апартеида», созданная в 1982 г. при поддержке ООН, собрала значительную коллекцию произведений искусства, подаренных авторами в ответ на призыв писателей и художников открыто продемонстрировать свою веру в свободу и человеческое достоинство и выразить протест против расовой дискриминации в Южной Африке.

Коллекция, насчитывающая примерно 200 произведений известных художников, выставлялась во многих странах мира.

В подготовке каталога приняли участие такие выдающиеся современные писатели, как Жоржи Амаду, Андре Бринк, Хулио Кортасар и Мишель Лейрис.

Коллекция станет основой музея борьбы против апартеида и будет передана первому свободному, демократическому правительству Южной Африки, выбранному на основе всеобщего избирательного права.

наших граждан из-за цвета кожи не имели доступа к образованию и соответствующим должностям. Поэтому сегодня, когда в Южной Африке стали пробиваться ростки демократии, нам потребуется широкая международная помощь, чтобы создать предпосылки, необходимые для развития, которого был лишен наш народ.

Существует ли, на ваш взгляд, связь между демократией и развитием?

— Прогресс зависит от степени демократии. А дело человека — принимать решения. Бог дал нам волю и свободу ее выражения, и мы должны уметь контролировать процессы развития с помощью демократических политических структур, если хотим ощущать себя их частью. Развитие, навязанное народу «старшими братьями», считающими, что они лучше знают, что именно нам нужно, неизбежно потерпит крах.

Можно ли сказать, что Южная Африка действительно взяла курс на демократизацию? И в какой мере правомерны утверждения, что с апартеидом будет покончено навсегда?

— По многим параметрам мы находимся на уровне 1960 г. Наши политические организации вновь обрели легальный статус и получили возможность действовать более свободно, чем на протяжении последних тридцати лет. Однако чернокожие по-прежнему лишены права голоса, а ведь, по сути, апартеид — это узурпация политической власти. Кроме того, законы, которые в нашем понимании являются опорой апартеида, пока никто не отменял. Различие между 1960 г. и сегодняшним днем состоит в том, что правительство белого меньшинства заявляет о своей готовности начать переговоры о пересмотре дискриминационного законодательства. Но пока неясно, что именно оно намерено предложить. Поэтому, с одной стороны, появляются новые возможности, а с другой — крепнет стремление народа к подлинной демократии. Мы намерены добиваться ее во что бы то ни стало. И нас не остановить, тем более южноафриканскому правительству.

Существуют ли особые формы, специфические условия демократического развития Южной Африки? Окажется ли принцип «один человек — один голос» жизнеспособным в атмосфере многолетней вражды между общинами?

— Главное — это всеобщее избирательное право. Без права голоса нет ни демократии, ни надежд на взаимопонимание. Билль о правах, за соблюдением которого следят независимые суды, защищает любого гражданина страны, к какой бы общине он ни принадлежал. Лишь при условии равноправия и уважения человеческого достоинства каждого южноафриканца мы сможем рассчитывать на развитие подлинного сотрудничества всех граждан, независимо от цвета их кожи. ■

An abstract painting by J. T. Almazan, featuring a central sun-like motif with radiating lines in yellow and orange, surrounded by various shapes and colors including red, purple, and black. The background is a light, textured surface with faint grid lines. The artist's signature 'J. T. Almazan' and the number '315' are visible in the lower left corner of the painting.

Известный арабский поэт утверждает, что некоторые страны «третьего мира» страдают от двух зол: они зависимы от Запада и задавлены собственными косными режимами. Ключ к решению этой проблемы — признание культуры как движущей силы общественной жизни.

КУЛЬТУРА И СВОБОДА В «ТРЕТЬЕМ МИРЕ»

АКТ ТВОРЧЕСТВА

АДОНИС

В современном мире пробуждение национального самосознания напоминает театральную трагедию, когда одни утверждают себя непременно за счет других и все усилия, веками направленные на достижение понимания между людьми, в итоге оборачиваются взаимной враждой, а страх за судьбу свободы уступает место страху перед самой свободой.

Как ни парадоксально, лекарство вдруг становится ядом. Быть может, причина кроется в том, что сегодняшний подъем самосознания воз-

На с. 39: «Свобода под Солнцем» (1918), акварель, тушь, картон. Работа русского художника Давида Штеренберга (1881—1948).

На с. 40—41: «Мир и свобода» (1983), арабская каллиграфия Хассана Массуди.

Внизу: «Очищение», растительные краски. Работа шести художников из Бамако (Мали), принадлежащих к группе «Боголан-Касобане».

На с. 41: «Шаткое равновесие» (1987), холст, масло. Работа родившегося на Кубе художника Рамона Аехандро.

АДОНИС.

псевдоним Али Ахмада Саида Эсбера, ливанского поэта и одного из ведущих деятелей современной арабской литературы. В настоящее время является заместителем постоянного представителя Лиги арабских стран при ЮНЕСКО. Опубликовал около двадцати сборников поэзии и критических статей, многие из которых переведены на другие языки. На русском языке см.: «Часть старинного образа» («Памир», 1978, № 8) и ответы на вопросы журнала «Вопросы литературы» (1966, № 4).

вещает возврат к прошлому, а не движение вперед, отступление, а не прогресс? И не потому ли, что процесс этот связывается с той или иной расой, нацией или религией? А может, и не стоило пробуждать то, чему следовало бы заснуть навеки?

Или это возрождение — новая ошибка, свершенная во имя исправления предыдущей ошибки, возникшей в результате столкновения культуры технической и идеологической с ее фашистскими подпорками справа и слева? Похоже, под знаком свободы ныне пробуждается нечто такое, что заостряет проблемы, связанные с этим понятием.

Эволюция экономической и политической структур современного мира под действием технической и идеологической культуры Запада подчинила всю жизнь человека всемерному

удовлетворению своих материальных потребностей. Западная цивилизация лишает людей тяги к свободе, любви, поэзии, сводит до минимума их запросы.

Средства массовой информации, равно как и другие культурные институты, охвачены единым порывом насадить стремление к экономическому благополучию. Даже в сфере образования материальные потребности все чаще возводятся до уровня моральных ценностей, подаются как некий символ цивилизации. Подчас само образование предлагает пути удовлетворения этих потребностей, формирует образ человека, смакующего свое рабство, мирящегося со своим положением «товара» и окончательно превращающегося в винтик гигантской машины.

Страны «третьего мира» являют собой сегодня огромную экспериментальную лабораторию, где изучаются, обобщаются и прививаются все эти тенденции, что в конечном счете сводит к нулю роль человека как свободного создателя.

При этом все более крепнет, хотя подчас и в завуалированной форме, ощущение превосходства Запада, ведущего настойчивую борьбу за монополизацию своего главенствующего положения и отвергающего равноправные взаимоотношения с партнером. Естественно, в такой ситуации у партнера, превращенного в придаток центра, в зависимый от него рынок, нарастает враждебность. Логика общения с позиции силы в сочетании с гонкой вооружений делает эту тенденцию все более угрожающей. Не будем говорить здесь о том, что Запад с презрением отвергает и культуру своих контрагентов, которые больше ничего и не имеют и в случае ее утраты теряют все, и даже себя.

Первоисточник — культура

Мы можем измерить степень свободы в обществе, исходя из значения, которое придается в нем культуре, и ее устремленности в будущее. Этимологически слово «культура» означает действие и эффективность, а сюда входят и навык, и

талант, и технический опыт. (Возможно, между арабским словом «'atqana» и греческим «техне» также существует этимологическая связь?) Действенная культура — плод свободного творчества, ее нельзя рассматривать просто как один из факторов эволюции человечества, это — ее фундамент и движущая сила.

Увы, такая концепция культуры чужда сегодня многим странам «третьего мира». Не с этим ли связано отсутствие в них подлинной свободы, явившееся результатом многих причин, главная из которых состоит в юридической интерпретации религиозных текстов. Такое прочтение соединяет религиозно-юридический и общественно-политический аспекты, вследствие чего свобода уже не рассматривается как политическая или гражданская категория, а становится понятием религиозным.

Таким образом, она постепенно трансформируется в своеобразную практику послушания: от верноподданнических чувств к сотворению кумира, которому вручается власть над всем сущим. А отсюда рукой подать до объединения «истины» и власти, равно как и до противоположенного «союза» власти и свободы, власти и мысли.

Отныне личность существует лишь благодаря послушанию. Являясь неотъемлемой частью той или иной группы, она мыслит и говорит, как окружающие. Отход от своей касты (племени) зачастую равнозначен изгнанию и даже смерти. Интеллектуальное отступничество расценивается также как политическое и правовое, поскольку ведет к неповиновению власти, учрежденной от имени группы. Что же остается делать? Лишенный права на собственность и труд человек еще способен бороться. Но когда у него отнимают свободу слова, он в каком-то смысле утрачивает и право на жизнь.

История учит, что попытки осуществить свое естественное право на свободу слова, пойти наперекор группе или власти зачастую стоили смельчакам жизни. Многие же считали, что обладание вещами избавит их от гнета мысли. Они уступали свое право на свободу слова властям и ограничивались созданием материальных ценностей и торговлей. Не здесь ли следует искать причину культурных мутаций в этих обществах? Ведь культура — это, по сути дела, осознание мира, акт творчества. У нас же она стала ненужным украшением, превратилась во вспомогательный инструмент, а интеллигенция встала на службу власти.

Паралич мысли

Итак, в некоторых обществах успех земных дел измеряется их соответствием велению свыше, а счастье людей зависит от воли властей предрежащих. Эта зависимость находит воплощение в понятиях гармонии, примирения и единства, отрицающих социальные и идейные конфликты и вообще любую раздробленность.

В этих условиях прогресс — всего лишь возврат к первоисточнику, только на более высоком уровне. Единство оказывается не чем иным, как единством группы-нации, основывающемся на уникальности первоисточников, опирающихся на уникальность истины, которая в свою очередь основывается на уникальности власти. Такое единство подавляет личность и знание. Человек от рождения не принадлежит сам себе. С небесами его связывает религия, а с землей — те, кто находится у власти.

Сегодня во многих развивающихся странах преобладает религиозно-идеологический взгляд на мир. Для него характерны два течения: первое, традиционное, исходит из идеи загробной жизни и личного бессмертия, второе отталкивается от западного модернизма и зиждется на материализме и совершенствовании производства и потребления. Иными словами, человеку предлагаются два пути — в рай небесный и в рай земной. Подобное положение в обществе парализует разум, поскольку не способствует прогрессу ни мысли, ни техники. Состояние культуры только усугубляет этот паралич: слепое преклонение перед авторитетом первоисточника в жизни оборачивается раблепием и перед властями.

Чтобы объяснить характер свободы в странах «третьего мира», следует сказать, что Запад (этот «потусторонний» современный мир) покоряет эти страны своим главным орудием — технологическим рационализмом, направленным на потребление. Человек, его свобода и главные вопросы бытия приносятся в жертву рынку, предприимчивости и стратегии. Такое утилитарное мировосприятие отодвигает человека на задний план, ставя на передний машину.

Запад в наши дни больше стремится к совершенствованию производства, чем к обновлению человека, что означает дальнейшее порабощение личности, а не ее освобождение. Любой производимый продукт в конечном счете оказывается важнее самого производителя, который превращается в придаток машины. Став частью механизма, человек теряет свое «я» (аль-Фараби), поскольку оно принадлежит теперь другому. И не так уж важно, кто выступает порабощателем — машина или слово.

Путь к свободному сознанию

Так возможна ли свобода в странах «третьего мира»? Во-первых, нужно отметить, что в них заметно нарастает движение демократических сил. И если с социальной точки зрения оно пока не играет определяющей роли, то в области культуры именно оно проявляет себя наиболее ощутимо и составляет основную надежду на будущее, хотя и черпает вдохновение в мире, к

которому не принадлежит, вследствие чего «я» и «другой» сливаются в нем воедино.

То, что на первый взгляд кажется парадоксом, на самом деле является принципом воссоздания прошлого в иной, обновленной форме и в ином интеллектуальном контексте. Так, связь с прошлым (наследием) становится вертикальной, а не горизонтальной. Происходит постепенный рост из прошлого к будущему через настоящее.

Это движение исходит из языка, а не из буквы, из человека, а не из института или режима, из жизни, а не из идеологии или образования. Оно связано с символами и легендами, с динамикой воображения и творчества. Хронологическое время перестает существовать и заменяется другим, вертикальным временем. В нем нет места единственной, окончательной, всеобщей истине; значение открыто толкованиям, оно беспредельно и мобильно. Именно на этих переменных и зиждутся свобода, демократия, многоликость и право на индивидуальность.

Какова же в таком случае судьба свободы в глобальном масштабе?

На мой взгляд, она во многом зависит от отношения Запада к странам «третьего мира» и характера будущих взаимосвязей между ними. Дело свободы сдвинется с мертвой точки только после полной и бесповоротной переоценки Западом своих ценностей, своей культуры и взаимоотношений со своими партнерами. Необходимо, чтобы на Западе родилось новое осознание этого иного мира, который должен стать другой его гранью, его продолжением.

В свете этого понимания сущность человека перестанет быть predetermined, а явится результатом сознательного процесса, неповторимого в каждом новом случае. Прошлое (религиозное и национальное) будет всего лишь самым примитивным и незначительным компонентом этой сущности, возникшей в процессе постоянного созидания. Среди всех живых существ лишь один человек формирует свою собственную личность в процессе труда и мышления. Она не может быть изначально «задана» и повернута лицом к прошлому, каким бы оно ни было. Она устремлена в будущее в порыве вечного совершенствования.

Для того чтобы достичь подобного уровня интеллектуального развития, политика должна стать неотъемлемой частью культуры, подчиниться ей. Все политические акции должны быть направлены в первую очередь на углубление обмена между партнерами и отражать стремление культур к диалогу и взаимодействию.

Политика, особенно на Западе, должна сотворить чудо — хотя бы для того, чтобы опровергнуть высказывание Сен-Жюста о том, что все искусства являли чудеса и лишь искусство править порождало чудовищ. ■

«Узник» (1979). Работа иранского скульптора Ираджи Эмами.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: НЕВИДИМЫЕ БОРЦЫ

ЖОРЖ-АНРИ ДЮМОН

Во многих случаях, когда нарушаются права человека, в дело вмешивается ЮНЕСКО. Как это происходит? Попробуем впервые приоткрыть завесу.

尊人
重權

一九六六
李亞魯

Нико
не сме биши
произвольно
ухайшен
пришорен
ниши
идишера.

ОБЩЕИЗВЕСТНО, что в области защиты прав человека деятельность ЮНЕСКО отвечает одной из главных задач Организации, записанных в ее Уставе, — задаче «обеспечения всеобщего уважения справедливости, законности и прав человека, а также основных свобод, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций, для всех народов без различия расы, пола, языка или религии».

Известно также и то, что с первых дней своего существования ЮНЕСКО взяла на себя ответственность за организацию образования в духе защиты прав человека. Усилия в этом направлении не прекращаются, о чем свидетельствует работа экспертов и многочисленные публикации.

В этом контексте важное место занимает также деятельность Организации по подготовке документов и актов, относящихся к сфере прав человека: ею принято девять конвенций, двадцать одна рекомендация и две декларации, касающиеся прав в области образования, культуры и информации.

Но мало кто знает о том, что через свой Комитет по конвенциям и рекомендациям ЮНЕСКО одновременно ведет и конкретную работу в этой области. Деятельность этого комитета да и само его существование остаются вне поля зрения широкой общественности, поскольку он функционирует на строго конфиденциальной основе.

Комитет был создан с целью рассмотрения «сообщений от частных лиц или ассоциаций о случаях нарушения прав человека, таких, как, например, право на образование и культуру, государствами, входящими или не входящими в ЮНЕСКО».

Поначалу, в 1965—1977 гг., он рассматривал главным образом проявления дискриминации в области образования. Однако начиная с 1978 г. сфера деятельности Комитета, равно как и Исполкома, расширилась. Теперь в нее входят все вопросы, которыми занимается ЮНЕСКО, причем рассматриваются не только отдельные случаи, но и общие проблемы, связанные с нарушением прав человека.

Как же примирить два противоречия: с одной стороны, действовать как можно эффективнее, а с другой — не вмешиваться в область внутренней юрисдикции государств?

Исполком трактует эту дилемму, делая упор на двух основных принципах: ЮНЕСКО должна «действовать в духе международного сотрудничества, примирения и взаимопонимания» и не может «играть роль международного судьи».

Такая постановка вопроса исключает какие-либо санкции.

Диалог

Каковы же функции Комитета по конвенциям и рекомендациям? Он собирается два раза в год на закрытые заседания. Правда, это правило имеет свою отрицательную сторону: оно лишает принимаемые Комитетом решения поддержки общественности. Кроме того, может создаться мнение, что ЮНЕСКО ограничивается одними торжественными и многообещающими декларациями, хотя на самом деле она ведет вполне конкретную, непрерывную и действенную работу в этом направлении.

И все-таки отсутствие шумихи вокруг деятельности Комитета — фактор скорее положительный, чем отрицательный. Благодаря этому внимание концентрируется на гуманитарных, а не на политических аспектах. Поскольку Комитет не выносит публичных осуждений, правительство, виновное в нарушениях, имеет возможность исправить положение в соответствии с решением Комитета, не теряя своего авторитета в глазах общественности.

Чтобы лучше представить себе работу Комитета, возьмем конкретный пример: допустим, что какой-то человек — писатель, преподаватель, художник или журналист — попадает в тюрьму, в связи с чем в Комитет поступает жалоба. Отдел по международной регламентации и правовым нормам вручает каждому члену Комитета досье, содержащее обращение истца, и, по возможности, документы, отражающие первую реакцию правительства на это дело. Представитель Генерального директора ЮНЕСКО выступает с кратким изложением вопроса. Затем на заседании приглашается представитель властей соответствующей страны. Он может изложить свою точку зрения и в случае необходимости выступить с обоснованием действий своего правительства. После этого ему задают вопросы, связанные с обстоятельствами дела. Чаще всего они сводятся к следующему:

— Если человека подвергают тюремному заключению без предварительного следствия, чем это мотивировано? Когда намечается суд?

— Если суд состоялся, то какова точная мотивировка приговора?

— Разрешено ли семье подсудимого навещать его и как часто?

— Каково состояние здоровья заключенного? Получает ли он необходимую медицинскую помощь?

— Если это пожилой человек, то не является ли преклонный возраст основанием для его немедленного освобождения?

Редко когда на все вопросы удается сразу же получить ответ. Но представитель правительства обязуется быстро предоставить информацию, что может послужить благоприятным или даже решающим фактором при рассмотрении дела. Часто после заседаний Комитета к заключенным впервые допускают врача или родственников.

Уже на первом этапе диалога с представителями заинтересованных правительств удается решить большое число вопросов. Если же переговоры не дают результата или правительство упорно молчит, жалоба объявляется Комитетом приемлемой, и тогда для него начинается трудная пора. В таких случаях правительство

обычно не идет на уступки и приходится ждать изменения политической обстановки в данной стране для возобновления диалога.

С 1978 г. на рассмотрение Комитета было подано около 200 дел. Результаты можно считать обнадеживающими, особенно за последние несколько лет: в 1978—1981 гг. было улажено 30 дел, в 1982—1985 гг. — 85 и в 1986—1989 гг. — 86 дел.

ЮНЕСКО, в частности, сыграла решающую роль в судьбе трех выдающихся личностей: аргентинского пианиста Мигеля Анхеля Эстрельи, освобожденного из тюрьмы в 1980 г., лауреата Нобелевской премии мира (1975) профессора Андрея Дмитриевича Сахарова и Вацлава Гавела, нынешнего президента ЧСФР.

За десять лет около сотни человек, содержащихся в тюрьмах (подчас в тяжелейших условиях), были освобождены или оправданы.

Многочисленные сообщения, поступающие в Комитет, касаются представителей интеллигенции, которым не разрешают вернуться на родину, студентов, которых не выпускают на учебу за рубеж, лишают диплома или стипендии, людей, незаконно уволенных с работы, а также запрещенных изданий. Список нарушений прав человека можно продолжать до бесконечности. Во всех случаях Комитет старается проявлять упорство и настойчивость.

Комитет действует от имени Исполкома и Генерального директора ЮНЕСКО. В отдельных случаях последний может лично вмешиваться в рассмотрение дела — открыто или неофициально (например, если ему докладывают, что какой-нибудь сотрудник Организации задержан или арестован у себя на родине). Об одном из таких случаев рассказывается в статье Сорина Думитреску.

На с. 43: образцы китайской (Ун Но Ли) и кириллической (Йовика Вельович) каллиграфии. Вверху: арабская каллиграфия (Хассан Массуди); внизу: латинские буквы (Жан Ларше). Взято из календаря (1989), посвященного Всеобщей декларации прав человека, выпущенного французским журналом "Non-Violence Actualité".

*Nul
ne sera soumis à
la torture,
ni à des peines ou
traitements cruels,
inhumains
ou dégradants.*

ЖОРЖ-АНРИ ДЮМОН,
бельгийский историк; член Бельгийской королевской академии, автор публикаций "Marie de Bourgogne" (Fayard, Paris 1982) и "La vie quotidienne en Belgique au temps de Léopold II" (Marabout université, Bruxelles 1986). Председатель Международной комиссии ЮНЕСКО по подготовке нового издания «Истории научного и культурного развития человечества». С 1981 по 1989 г. был членом Исполкома ЮНЕСКО, с 1987 по 1989 г. — председателем Комитета по конвенциям и рекомендациям.

**Сотрудник
международной организации
описывает, как его в течение
двух лет незаконно держали
взаперти в своей собственной
стране.**

В ПЛЕНУ У "СЕКУРИТАТЕ"

СОРИН ДУМИТРЕСКУ

В конце 1969 г. я был назначен на пост директора Отдела наук о воде в Секторе естественных наук ЮНЕСКО.

Вскоре после вступления в должность я, как и все новые сотрудники международной организации, принял присягу, обязуясь (как при исполнении своих непосредственных служебных обязанностей, так и в целом в своей деятельности) руководствоваться исключительно интересами Организации, не испрашивать и не выполнять инструкций правительств каких бы то ни было стран.

И хотя я прекрасно понимал смысл этих слов, в то время я даже не мог себе представить, какую роль в моей судьбе им предстоит сыграть через несколько лет.

СОРИН ДУМИТРЕСКУ,
румынский гидролог. С 1985 по 1988 г. был заместителем помощника Генерального директора ЮНЕСКО по Сектору естественных наук. В настоящее время — советник Генерального директора.
Автор ряда публикаций по проблемам гидрологии и водопользования. В 1988 г. ему была присуждена Международная премия по гидрологии.

Незаконченная миссия

6 июня в 1976 г. я выехал из Парижа в качестве представителя Генерального директора ЮНЕСКО для участия в совещаниях, которые должны были состояться в Румынии (8—13 июня) и в Болгарии (15—18 июня). Ехал я на своей машине вместе с женой и дочерью.

После завершения программы в Румынии мы направились в Болгарию, однако на границе нас остановила румынская полиция. Мне объявили, что я должен немедленно вернуться в Бухарест для встречи с заместителем министра иностранных дел Василе Глигой. Я связался с ним по телефону и попытался объяснить, что в Варне меня ждут неотложные

дела, но все было тщетно. Пришлось вернуться в Бухарест, где Глига заявил, что мне надо задержаться в Румынии, пока не будут улажены «некоторые вопросы».

Я сказал ему, что в таком случае буду вынужден известить Генерального директора ЮНЕСКО о том, что не смогу выполнить его поручение. Заместитель министра посоветовал этого не делать во избежание неприятностей. Чтобы не усложнять ситуацию, я согласился подождать до утра 18 июня.

В тот же день заместитель министра снова вызвал меня и сообщил, что решением правительства Румынии я лишен статуса международного чиновника, в связи с чем на следующий день мне надлежит явиться в министерство и направить Генеральному директору прошение об отставке. Связываться с ЮНЕСКО каким-либо иным путем мне запретили, пригрозив арестом. Естественно, я поинтересовался причиной такого решения, но заместитель министра сказал, что не уполномочен ее сообщать. Тогда я заявил, что это злоупотребление властью, поскольку правительство Румынии не имеет права лишать меня статуса международного чиновника. Но меня не выпускали из министерства до тех пор, пока я не дал согласия к следующему утру написать прошение об отставке.

Как только я покинул кабинет заместителя министра, мне пришла в голову мысль связаться с Томасом Келлером, руководителем Европейского центра высшего образования ЮНЕСКО, штаб-квартира которого находится в Бухаресте. Но господин Келлер был в отпуске, а звонить в Париж или во Французское посольство в Румынии было опасно: за мной наверняка следили. Наконец, с большим риском, с помощью ухищрений, достойных детективного романа, моей дочери удалось передать во Французское посольство записку, адресованную Генеральному директору ЮНЕСКО.

В тот же день, 18 июня, к нам пришел «служачий почтового отделения» и сменил телефонный аппарат, который, якобы, был неисправен.

Четвертый абзац

Ночью я попытался составить прошение об отставке, стараясь написать его как можно «понятнее».

«Уважаемый г-н Генеральный директор, имею честь сообщить Вам, что по решению правительства Румынии мне надлежит вернуться к исполнению моих обязанностей в Национальном совете водного хозяйства.

В связи с этим прошу Вас принять мою немедленную отставку.

Ввиду сложившейся ситуации, делающей невозможным мой приезд в Париж, я был бы чрезвычайно признателен, если бы Вы попросили Бюро персонала сообщить мне, что требуется от меня для выполнения моих обязательств перед Организацией и какие условия необходимы для получения льгот, на которые может претендовать сотрудник ЮНЕСКО по окончании службы в Организации.

Покидая ЮНЕСКО, я хотел бы поблагодарить Вас за оказанное мне доверие и заверить Вас, что остаюсь верным идеалам Организации».

Однако жена и дочь, прочитав текст прошения, в один голос сказали: «Неужели ты считаешь, что они так глупы, чтобы разрешить тебе послать это письмо?» Ответ я написал на листке бумаги, который потом мы сожгли: «Я пытаюсь вступить в переговоры».

19 июня я принес проект письма в министерство иностранных дел. Ознакомившись с ним, сотрудник, курировавший работу ЮНЕСКО, спросил: «Не могли бы вы указать какую-нибудь другую причину отставки? Написать, например, что вы нездоровы». Я возразил, что в данной ситуации этому никто не поверит, поэтому лучше уж сказать правду. Заместитель министра, к которому отправился за указаниями мой собеседник, согласился с моими доводами, но потребовал вычеркнуть четвертый абзац, в котором я выражал свою верность идеалам ЮНЕСКО.

Для меня важнее были первый и третий абзацы. Четвертый же хоть и отвечал моим чувствам, не нес в себе того скрытого смысла, который я вкладывал в свое послание. От него можно было бы и отказаться, но я сделал вид, что хочу сохранить его, упирая на то, что именно он помогает смягчить общий жесткий тон письма. К моему великому удивлению, после обсуждения у заместителя министра текст письма был одобрен. Я покинул министерство с чувством большого облегчения: Генеральный директор, несомненно, поймет, что я хотел сказать. Я был уверен, что одержал победу.

«Вы были и остаетесь членом Секретариата»

Прошло две недели, никаких известий не было. У меня стали появляться сомнения: передали ли румынские власти в Париж мое письмо? Ведь они могли составить и другой текст, а мою подпись подделать. Заверили же меня в министерстве, что ответ я получу не позже чем через неделю. Тяжелее всего была полная неизвестность.

Примерно 5 июля, исчерпав все запасы терпения, я решил будь что будет и позвонил в Париж в штаб-квартиру ЮНЕСКО. Генерального директора не оказалось, и я попросил соединить меня с его заместителем Джоном Доубсом. Услышав его голос, я спросил, знает ли он о случившемся? Он ответил утвердительно. Я объяснил, что в силу обстоятельств не могу говорить долго, и задал только один вопрос: «Являюсь ли я еще членом Секретариата». Никогда не забуду спокойный и серьезный тон его ответа: «Вы были и остаетесь членом Секретариата». Генеральный директор не счел возможным удовлетворить мое прошение об отставке и письменно сообщил об этом Постоянному Представителю Румынии при ЮНЕСКО.

Я повесил трубку и в двух словах пересказал содержание разговора домашним. Радости

«Prapor» (1981), холст, масло. Работа румынского художника Хория Бернея (см. с. 38: «Искусство против апартеида»).

не было предела — мы были спасены. Скоро все разрешится, и мы вернемся в Париж. Увы, мы тогда еще плохо представляли себе, что такое румынский режим.

Позже я узнал, что Генеральный директор получил оригинал моего прошения об отставке 21 июня. В сопроводительном письме румынский посол уведомлял его, что выполняет указание своего правительства. Г-н Амаду-Махтар М'Боу незамедлительно пригласил посла и сообщил ему, что мое прошение не соответствует принятой юридической процедуре. Чтобы не ставить румынские власти в неловкое положение, он решил отложить ответ на десять дней: если к тому времени я не вернусь в Париж, он будет вынужден действовать официально.

В Париж я, естественно, в указанный срок не приехал, и 1 июля Генеральный директор направил послу Румынии официальное послание, в котором уведомлял, что принять мою отставку не может, а также подчеркивал, что

«обстоятельства отставки г-на Думитреску подрывают сами основы статуса сотрудника международной организации».

14 июля я встретился с г-ном Томасом Келлером, руководителем Европейского центра высшего образования ЮНЕСКО. Он получил от Генерального директора указание связаться со мной и выяснить мое истинное положение. Я не был уверен, что благополучно доберусь до Центра, и попросил г-на Келлера встретиться со мной на углу улицы. Он пришел на условленное место раньше меня. Мы направились в ближайший парк, а за нами — несколько агентов небезызвестной «Секуритате». Правда, я не был знаком с г-ном Келлером, и человек, ожидавший меня, вполне мог оказаться подставным лицом, но я был откровенен и просил передать Генеральному директору, что считаю свою отставку недействительной.

Тогда я еще верил, что стал жертвой интриги каких-то чиновников и что стоит лишь довести это до сведения руководителей партии и государства, как мне будет разрешено уехать. Я писал бесконечные объяснительные записки, доказывал, что не чувствую

за собой никакой вины, просил разъяснений, почему меня задерживают. Ответа не было. Позже я узнал, что глава румынского государства Чаушеску был в курсе моего дела и приказал не уступать давлению со стороны ЮНЕСКО. Время компромиссов истекло. Я понял, что настал момент, когда надо ставить на карту все.

6 августа г-н М'Боу направил Чаушеску письмо, которое начиналось следующими словами:

«Убедившись, что все остальные возможности решения настоящего вопроса исчерпаны, я беру на себя смелость информировать Вас лично о деле, которое считаю чрезвычайно важным. Речь идет о судьбе г-на Сорина Думитреску, гражданина Румынии, директора Отдела наук о воде, члена Секретариата ЮНЕСКО. Он был задержан во время следования по румынской территории с целью выполнения данного мной поручения, в связи с чем в Париж не вернулся. Насколько мне известно, это первый случай подобного обращения с международным чиновником столь высокого ранга за всю историю ООН».

Государство ЮНЕСКО

Письмо осталось без ответа. Тогда Генеральный директор решил вынести этот вопрос на Исполнительный Совет. Первый раз он обсуждался на закрытой сессии 9 октября. Изложив факты, Генеральный директор подчеркнул, что, пойдя на поводу у румынских властей, он тем самым нарушит присягу, данную им при вступлении в должность в 1974 г. В то же время без поддержки государств — членов Организации он окажется бессилем и вынужден будет подать в отставку. Поддержка Исполсовета была полной и всесторонней.

Такой поворот событий произвел должное впечатление, и румынское правительство через своего представителя в Исполсовете заявило о готовности обсудить создавшееся положение. Дней через десять после этого директор Бюро персонала Луис Маркес выехал в Бухарест в качестве представителя Генерального директора.

А я тем временем, сидя в Бухаресте, ничего обо всем этом не знал. Люди, с которыми я общался — господа из службы безопасности, — старались сломить меня. «Ни один человек ни в одной стране не может противостать главе государства. Генеральный директор вынужден будет принять вашу отставку», — твердили они.

За несколько дней до приезда представителя Генерального директора меня вызвали в Центральный Комитет партии. Заместитель начальника международного отдела сказал мне, что они ничего не имеют против меня лично и не выпускают меня только потому, что я слишком долго находился за границей. Мне предложили немедленно вернуться на государственную службу. «Как вы не понимаете: если Румыния не поддастся давлению даже могущественного восточного соседа, то уж такому «государству», как ЮНЕСКО, она и подавно не уступит». На это я ответил: «Вот

тут вы и ошибаетесь. ЮНЕСКО — не одно государство, а сообщество 150 стран, ссориться с которыми Румынии совершенно ни к чему».

Мне удалось встретиться с Луисом Маркесом, когда он 20 октября прибыл в Бухарест. Румынские власти требовали от меня официально заявить ему, что в Париж я возвращаться не намерен. Но узнав о том, что произошло на заседании Исполсовета, я, наоборот, подтвердил желание как можно скорее вернуться к прежней работе и свой отказ от каких-либо компромиссов. На следующий день на встрече с сотрудником ЦК я заявил, чтобы они больше не рассчитывали на мое «благоразумие». Тогда он в свою очередь предупредил, что подобный шаг ставит меня в очень трудное положение и отныне мое дело выходит за рамки его компетенции.

Неделю спустя министерство финансов привлекло меня к судебной ответственности. Я оказался должен государству около 70 тыс. франков. Дело в том, что каждый румынский гражданин, работающий за границей, должен по закону отдавать большую часть заработанных им денег государству. В данном случае речь шла о простой просрочке: ведь я уже выплатил около 120 тыс. франков. Суд состоялся в декабре. Это была простая формальность. Я заявил, что готов заплатить указанную сумму, как только буду в состоянии это сделать. В январе 1977 г. деньги были внесены, и, таким образом, румынские власти лишились в моем деле единственной юридической зацепки.

В начале февраля 1977 г. в Бухарест с официальным визитом прибыл г-н М'Боу. Визит, первоначально запланированный на сентябрь 1976 г., несколько раз откладывался по просьбе правительства Румынии. Г-н М'Боу надеялся получить от румынского руководства разрешение на мой выезд, однако добиться этого ему не удалось. В своей беседе с М'Боу Чаушеску заявил, что подобная просьба ЮНЕСКО недопустима, поскольку затрагивает национальные интересы Румынии. Генеральный директор, напротив, назвал это вопросом, относящимся к компетенции международного права, и обвинил Румынию в нарушении международных соглашений, которые она сама же подписала. На этом встреча и закончилась.

Когда я, согласно договоренности, дождался г-на М'Боу в Центре ЮНЕСКО, мне позвонили и якобы от его имени попросили прийти прямо в отель. Я сразу же догадался, что это очередная уловка, и остался ждать. Во время нашей встречи Генеральный директор заверил меня, что удвоит усилия, направленные на мое освобождение и предаст дело огласке.

Начало репрессий

4 марта на юге Румынии произошло сильное землетрясение. 30 марта к нам явился офицер с повесткой, в которой сообщалось, что со следующего дня я на пять месяцев призываюсь на военную службу в подразделение, мобили-

зованное на работы по восстановлению расположенного в ста километрах от Бухареста города, почти полностью разрушенного землетрясением. Как я узнал позже, приказ о мобилизации подписал сам Чаушеску; в нем было только одно имя — мое.

ЮНЕСКО выразила протест по поводу нового нарушения статуса международного чиновника и обратилась к румынскому правительству с требованием отменить свое решение, но и на этот раз ответа не последовало.

В то время я был не совсем здоров. В военном госпитале Бухареста, куда я попал, поставили предварительный диагноз — гепатит. Меня решили госпитализировать, и мой командир с сожалением сообщил, что получил приказ немедленно меня отпустить. В сопровождении двух солдат меня повезли домой за вещами. Домашние, видя, что меня уводят, не знали, встретимся ли мы снова.

Несколько дней я не получал ни медицинской помощи, ни еды, почти не спал. Одному из моих родственников удалось меня разыскать и затем сообщить жене и дочери, где я нахожусь. Телефон у нас в квартире отключили. Домой приходили два сотрудника службы безопасности и приказали жене и дочери воздержаться от каких-либо контактов с представителями ЮНЕСКО. В противном случае, сказали они, мне грозит военный трибунал, а им — арест.

Меня призвали на военную службу только для того, чтобы оборвать все мои связи, и это действительно отрезало меня от мира. Однако в ЮНЕСКО дела шли своим чередом, и в апреле Исполсовет еще раз выразил полную поддержку действий Генерального директора.

Торги

Несмотря на все свои угрозы, румынские власти оказались в довольно затруднительном положении. Надо было искать выход. В мае меня вызвал в Бухарест заместитель министра внутренних дел, начальник департамента госбезопасности Плекитза. Впервые мне разъяснили, почему с июня 1976 г. меня не выпускают из страны. Меня подозревали в том, что по истечении контракта с ЮНЕСКО я не захочу возвратиться в Румынию. Плекитза признал, что это несомненно была ошибка, но сказал, что менять что-либо в создавшейся ситуации слишком поздно. Теперь нужно спасти престиж главы государства, ведь это он запретил выпускать меня из Румынии. Я сказал, что, на мой взгляд, престиж главы государства лишь возрастет, если, допустив несправедливость, он собственноручно исправит ошибку.

Несколько раз я встречался с Плекитзой и другими сотрудниками министерства. Они говорили, что решение моего вопроса зависит от того, примет ли ЮНЕСКО мою отставку. Как только это произойдет, я буду назначен на пост заместителя министра и, если пожелаю, даже смогу выехать на работу за границу. Я неизменно отвечал, что их план не пройдет.

ЮНЕСКО не примет моей отставки до тех пор, пока я не вернусь в Париж, а мое единственное желание — возобновить свою работу.

В августе румынские власти предложили новый план: поскольку срок моего контракта истек 31 октября, мне достаточно было просто обратиться к Генеральному директору с просьбой не продлевать его. В таком случае вопрос об отставке можно было бы просто обойти. Меня просили направить Генеральному директору эту просьбу, а также предложение прислать в Бухарест своего представителя, чтобы я мог лично подтвердить свое решение.

На этот раз я согласился в надежде на то, что хотя бы моя дочь получит возможность продолжить учебу в Париже. Я предполагал, что встречу с представителем Генерального директора и расскажу ему всю правду.

Неясный жест

К концу августа мне сообщили, что в ответ на мою просьбу М'Боу решил направить в Бухарест своего помощника г-на Жака Риго, а также заместителя директора Бюро персонала. Они должны были прибыть 6 сентября. Я воспользовался этим, чтобы освободиться от военной службы, первоначальный срок которой решили увеличить, считая, по-видимому, что, оставаясь в армии, я откажусь от встречи с представителем ЮНЕСКО. Властям пришлось уступить.

А вот разрешение на возвращение моей дочери в Париж получено еще не было. Один из сотрудников департамента госбезопасности сказал мне, что как раз в день приезда г-на Риго он пытался получить это разрешение у Чаушеску в аэропорту, когда тот отбывал с официальным визитом в Болгарию, но в ответ последовал лишь неясный жест. В этой ситуации ничего не оставалось делать, как ждать его возвращения, дабы уточнить, что имелось в виду. Нас уверяли, что это дело нескольких дней. Мне дали понять, что нужно соблюсти условия нашего договора и сделать так, чтобы помощник Генерального директора уехал в полной уверенности, будто я действительно не хочу продлевать контракт. В противном случае меня ожидают жестокие репрессии и тогда уж никаких компромиссов не будет. Кроме того, мне намекнули, что на улицах порой случаются аварии и что ездить по Бухаресту стало очень опасно.

6 сентября состоялась моя встреча с г-ном Риго. Объяснив, почему я послал Генеральному директору письмо, я вновь подтвердил свое желание работать в ЮНЕСКО. Я сказал ему, что «ни в коей мере не чувствую себя связанным никакими джентльменскими соглашениями с людьми, которые джентльменами не являются». Г-н Риго заверил меня, что прекрасно понимает мое положение. Свое заявление я записал на магнитофон, сказав, в частности, следующее: «Я заявляю, что мои действия ни в коей мере не противоречат законам и интересам Румынии. Единственное, чего я хотел, — это оставаться верным

«Ничто-Никто III» (1989), коллаж на металлической сетке румынского художника Кристиана Параскива.

присяге, которую я дал, став сотрудником ЮНЕСКО. Я не вижу противоречия между содержанием присяги и моим гражданским долгом по отношению к Родине. Своей позиции я не изменю. Генеральный директор должен без колебаний поступать так, как считает нужным, даже если его действия нанесут ущерб моей личной безопасности. Наше существование с июня 1976 г. нельзя назвать жизнью. Мы с женой готовы умереть, но умереть стоя».

После отчета г-на Риго о поездке в Румынию мой контракт был продлен на два года. На своей 103-й сессии в сентябре—октябре 1977 г. Исполсовет вновь рассмотрел мое дело. 6 октября по этому поводу было проведено первое публичное заседание. Председатель информировал собравшихся о развитии событий и напомнил, ссылаясь на Уставы ООН и ЮНЕСКО, что международный чиновник при выполнении своих служебных обязанностей должен пользоваться полной свободой и подчиняться только Генеральному директору Организации. В заключение он сказал, что Исполсовет крайне озабочен фак-

том нарушения одним из государств-членов международных соглашений, подписанных им по доброй воле, и безоговорочно поддерживает позицию Генерального директора и все принятые им решения.

Взяв слово, представитель Румынии Марчел Гиберня выступил с нападками на председателя Исполсовета и Генерального директора. Меня же он постарался оклеветать, заявив в частности, что мои расходы якобы значительно превышают законные заработки.

На это Генеральный директор ответил: «Все предпринятые мной по данному делу шаги были доложены Исполсовету и одобрены им. Таким образом, я могу заверить г-на Гиберню в том, что пользуюсь доверием всех членов Совета за исключением, по-видимому, лишь его самого, поскольку отказываюсь нарушить присягу, данную мной в день вступления в должность Генерального директора Организации».

А между тем моей историей заинтересовались средства массовой информации многих стран. Мое дело получило огласку.

Иностранная организация

Но румынские власти это не остановило. 13 октября против меня было возбуждено уго-

ловное дело. Меня обвиняли в «измене путем передачи секретной информации». Согласно статье 157 румынского уголовного кодекса, за это полагалось от 5 до 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Мне инкриминировали передачу иностранной организации (ЮНЕСКО) информации, использование которой представляло угрозу для безопасности страны. Мне дали два часа, чтобы написать объяснение по этому поводу. К этому я был готов: ведь этим мне угрожали и раньше. Потребовалось всего 20 минут, чтобы написать следующее:

«Считаю предъявленное мне обвинение абсолютно бездоказательным. Ни одно из моих действий не может быть расценено как нарушение статьи 157 уголовного кодекса. Следственная комиссия основывает обвинение на факте моих контактов в период между июнем 1976 г. и октябрём 1977 г. с представителями ЮНЕСКО, сотрудником которой я являюсь. По этому поводу поясню следующее:

1. Я никогда и никому не передавал информации, которая могла бы поставить под угрозу безопасность страны.

2. Считаю абсурдной мысль о том, что такая организация, как ЮНЕСКО, вообще могла бы использовать какую-либо переданную ей информацию против одного из сво-

их государств-членов, в данном случае Румынии.

3. В указанный период мои контакты с представителями ЮНЕСКО были связаны исключительно с выполнением обязательств перед Организацией, вытекающих из моих служебных обязанностей как члена Секретариата и из содержания присяги, которую я принял, став сотрудником Организации. Я действовал как сотрудник ЮНЕСКО, поэтому мои действия не подпадают под статью 157 уголовного кодекса. Они находятся в соответствии с положениями Конвенции о привилегиях и иммунитете специализированных учреждений (статья VI, раздел М, параграф а). Румыния данную конвенцию ратифицировала.

4. Исходя из вышеуказанного, я отказываюсь впредь отвечать на вопросы, касающиеся предъявленного мне обвинения».

Я думал, что меня арестуют. Однако мне сказали, что я могу оставаться на свободе, но должен буду ежедневно с 8 утра до 10 часов вечера отмечаться в главном следственном управлении департамента госбезопасности. Так я воочию увидел то, что раньше знал только по фильмам: длинные коридоры со множеством дверей, над которыми всякий раз, когда туда кто-нибудь входил, зажигалась красная лампочка, комнаты для допросов с решетками на окнах, подслушивающая аппаратура.

Первыми вопросами следователей были: «Признаете ли вы, что передавали Генеральному директору ЮНЕСКО через агентов ЮНЕСКО письмо? Когда вы впервые познакомились с руководством Европейского центра высшего образования?» Придерживаясь линии поведения, избранной мною на суде, я неизменно отвечал: «На вопросы отвечать отказываюсь».

Раздосадованные следователи грозили мне тюрьмой. «Что же, тем лучше, — отвечал я. — Оттуда я скорее попаду в Париж».

Время шло, сотрудники, которые вели мое дело, теряли надежду. Допросы стали короче, случалось, мы даже разговаривали на посторонние темы.

Кнутом и пряником

25 октября к нам на квартиру пришли семеро агентов «Секуритате», чтобы произвести обыск и наложить арест на имущество. Правда, я думаю, истинная их цель заключалась в том, чтобы убедить нас, что я неизбежно буду осужден.

Но дело обернулось иначе. 12 ноября меня вызвал начальник департамента госбезопасности Плекитза. Он был необычайно оживлен и приветлив: оказалось, что уголовное дело против меня прекращено ввиду отсутствия доказательств. Более того, чтобы продемонстрировать расположение ко мне властей, он сообщил о разрешении моей дочери вернуться в Париж для продолжения прерванной учебы в университете. Трудно было поверить, что это не очередной подвох, но спустя три дня дочь получила паспорт. До тех пор

пока она не приехала в Париж, мы волновались. Ведь ее могли увезти и куда-нибудь в другое место. Наконец, через несколько часов после отъезда она позвонила и сообщила, что добралась благополучно («пароль» мы придумали заранее).

На следующий день меня вызвал заместитель министра. «Мы пошли вам навстречу, — сказал он, — теперь ваша очередь. Помогите нам урегулировать конфликт с ЮНЕСКО. Пройдет несколько месяцев, и вы сможете, если захотите, присоединиться к вашей дочери». Я ответил, что выданное моей дочери разрешение на возобновление учебы отнюдь не любезность, а простая формальность и уж никак не повод для того, чтобы из-за этого я отказался от принципиальной позиции, которую с самого начала занял в этом деле. Разговор продолжался долго. Затем меня вызывали еще несколько раз. Заместитель министра заверял меня в своем уважении, звал к моим патриотическим чувствам. Порой эти беседы становились для меня более тягостными, чем те, полные угроз, которые вели со мной следователи департамента госбезопасности.

Недели через две тон бесед вновь изменился. «Если вы будете по-прежнему отказываться от сотрудничества с нами, — сказал Плекитца, — ваша дочь может погибнуть где-нибудь в Париже или ее насильно вывезут в Румынию. К подобным средствам мы уже не раз прибегали». К этой угрозе я отнесся достаточно серьезно и сообщил о ней Генеральному директору ЮНЕСКО, а он обратился к французским властям с просьбой взять мою дочь под защиту.

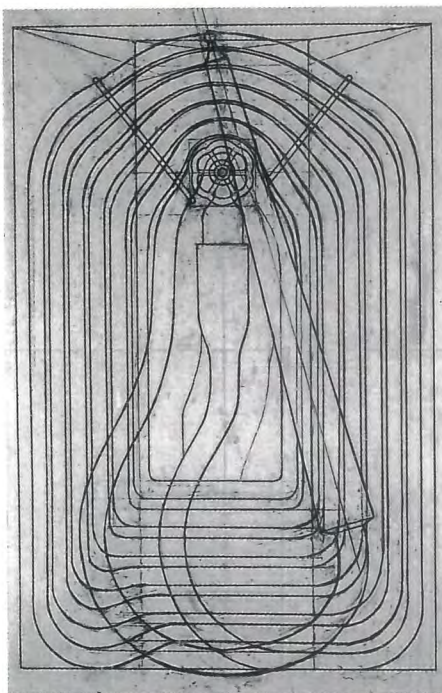
В феврале 1978 г. после небольшого перерыва снова начались репрессии. Я несколько раз встречался с секретарем Центрального Комитета партии, бывшим госсекретарем министерства внутренних дел Ионом Стэнеску. Он грозил упрятать меня в тюрьму. А когда я попытался апеллировать к закону, он сказал: «Такие, как вы, вне закона». Мне сообщили, что рассмотрение моего дела подходит к концу.

Развязка

28 февраля газеты напечатали выдержки из моего заявления, которое я переправил дочери в Париж:

«Моя трагедия в том, что я нахожусь на положении заключенного в своей собственной стране с июля 1976 г. ...И если я лоялен к своей родине, это вовсе не значит, что я должен смириться с творимой по отношению ко мне несправедливостью и стать покорной жертвой клеветы, злоупотребления властью, беззакония... Часто люди, облеченные властью, в качестве главного аргумента заявляли следующее: «Вы — румынский гражданин, и государство может сделать с вами все, что сочтет нужным». Поскольку я не могу смириться с деспотизмом такого заявления, а диалог с властями невозможен, я решил отказаться от румынского гражданства».

8 марта 1978 г. режим Чаушеску провел

«Этюд отчаяния» (1981), бумага, уголь.
Работа западногерманского художника
Конрада Клафека.

одну из самых крупных своих чисток. В числе жертв оказались все официальные лица, с которыми я имел дело; я немедленно заявил, что не буду отвечать ни на один вызов в суд до тех пор, пока лично не переговорю с теми, кто придет им на смену.

Между тем давление международной общественности нарастало. Разговор о моем деле вели все приезжавшие в Румынию государственные и парламентские делегации, то же самое слышал Чаушеску и во время своих зарубежных поездок.

В апреле 1978 г. на совещании Административного комитета по координации, которое проходило под председательством Генерального секретаря ООН, Организация Объединенных Наций, которая до сих пор оставалась в стороне, также встала на мою защиту. Генеральный секретарь поддержал г-на М'Боу; в результате мой вопрос было решено рассмотреть в ООН и на ближайшей Генеральной Конференции ЮНЕСКО. В мае Исполсовет ЮНЕСКО был информирован о том, что спор будет вынесен в Международный суд в Гааге. Посягательство на независимый статус международных чиновников осудили Ассоциация служащих ЮНЕСКО и Федерация ассоциации международных чиновников. Они наметили свой план действий.

В конце концов Чаушеску сдался. 6 мая меня вызвали в официальные инстанции и объявили, что нам с женой разрешено вернуться в Париж.

12 мая 1978 г. мы выехали из Бухареста по туристическим визам и через два дня после двадцатитрехмесячного отсутствия прибыли в Париж. А 16 мая я возобновил работу в ЮНЕСКО. Итак, я победил, но воспоминания об этом кошмаре останутся со мной навсегда.

Фотографии предоставили:

1-я с. обл., с. 3: © Isabelle Wolff, Paris. 4-я с. обл.: © G. F. Giraudon, Paris. С. 2: © Gervais Bataillé, Conques-sur-Orbeil, France. С. 5: Gilles Bassignac © Gamma, Paris. С. 6—7: Claude Gaspari © FDAC Conseil général du Val de Marne, commande 1988. С. 8: Gabina Farova © "Vu", Paris. С. 9: © Amnesty International, Paris. С. 10—11: © J. Bottin, Paris. С. 10 (внизу), 40 (слева): Unesco/Dominique Roger. С. 12—13, 14—15, 16—17: Stephane Duroy © "Vu" Paris. С. 14 (слева): © W. W. Norton & Company, New York. С. 15 (внизу): © Keystone, Paris. С. 16 (внизу), 45: Manuel Vimenet © "Vu", Paris. С. 18—19: © Andreas Sterzing 1990, New York. С. 20 (слева): © Anne Truffaut, Paris. С. 20—21: M. Renaudeau © Hoanqui, Paris. С. 22: © Edimedia, Paris. Musée national d'Art moderne, Centre Georges Pompidou, Paris. С. 23: © Nicole Dufour, Hong Kong. С. 24, 37 (вверху), 38, 46—47, 50: © "Les artistes du monde contre l'apartheid", Paris. С. 25: Lee Fatherree, Berkeley, USA © Galerie Claude Samuel, Paris. С. 26—27: © AIAP/Bibliothèque des Arts, Paris/Unesco, взято из "Unesco, 40 Years, 40 Artists, 40 Countries". С. 28 (вверху): Gaby Sommer © Gamma, Paris; (в центре): © Musée national d'Art moderne, Centre Georges Pompidou, Paris; (внизу): Lavaud © Arterphot, Paris. С. 29 (вверху): © Rapho, Paris. С. 30—31: Humano S. A./Les Humanoïdes associés, Paris. С. 32 (слева): Gaywood-Spooner © Gamma, Paris; (справа): © Юрий Мираков, Москва. С. 33: © Galerie du Génie, Paris-Bastille. С. 34—35: © Giraudon, Paris. С. 34 (внизу): © CAPC, musée d'Art contemporain de Bordeaux, Phoebe-Chason Collection, New York. С. 35 (внизу): Setboun © Rapho, Paris. С. 36: © Edimedia, Paris. Третьяковская галерея, Москва. С. 37 (внизу): Ferry © Gamma-Liaison, Paris. С. 39: © Edimedia, Paris. Филiaal Центрального Музея Революции СССР, Ленинград. С. 40 (справа): © Bogolan-Kasobane group, Bamako. С. 40—41, 44 (вверху): © Hassan Massoudy 1988, Paris. С. 41 (внизу): © Galerie du Dragon, Paris. С. 42: © Iradj Emami, Paris. С. 43 (вверху): © Ung No Lee 1988, Paris; (внизу): © Jovica Veljovic 1988, Yugoslavia, C. 44 (внизу): © Jean Larcher 1988. Paris. С. 4—49 © Christian Parashiv, La Courneuve, France.

43-й год издания

Публикуется ежемесячно на 35 языках и шрифтом Брайля
ЮНЕСКО — Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.

31, rue François Bonvin, 75015 Paris, France.

Директор: Бахгат эль-Нади
Главный редактор: Адель Рифаат

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ (Париж)

Ответственный секретарь: Джиллиан Уиткомб
русский яз.: Георгий Зеленин
английский яз.: Рой Мэлкин, Каролин Лоуренс
французский яз.: Ален Левэк, Неда аль-Хазен
испанский яз.: Мигель Лабарка,
Арасели Ортис де Урбина
арабский яз.: Абдель Рашид аль-Садек Мухаммади
Научная информация: Фернандо Аинса
Оформление: Жорж Серва
Иллюстрации: Ариен Бейли
Документация: Виолетт Рингельстайн
(т.: 45.68.46.85)
Связь с национальными редакциями:
Соланж Белен
Секретариат: Анни Браше, Муна Чатта,
Клоди Дроамель
Реализация: Генри Кнобил (т.: 45.68.45.88)
Подборка статей шрифтом Брайля на английском,
французском, испанском и корейском языках:
Мари-Доминик Бурже

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕДАКЦИИ:

украинский яз.: Виктор Стельмах (Киев)
немецкий яз.: Вернер Меркли (Берн)
итальянский яз.: Марио Гвидотти (Рим)
язык хинди: Ганга Прасад Вимал (Дели)
язык тамили: М. Мохаммед Мустафа (Мадрас)
персидский яз.: Садуг Ванини (Тегеран)
голландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)
португальский яз.: Бенедикто Силва (Рио-де-Жанейро)
турецкий яз.: Мефра Ильгезер (Стамбул)
язык урду: Хаким Мохаммед Саид (Карачи)
каталанский яз.: Жоан Каррерас-и-Марті (Барселона)
малайзийский яз.: Азиза Хамза (Куала-Лумпур)
корейский яз.: Пак Сен Гиль (Сеул)
язык суахили: Домино Рутазбесиба (Дар-эс-Салам)
хорватско-сербский, македонский,
сербскохорватский, словенский языки:
Божидар Перкович (Белград)
китайский яз.: Шень Гофен (Пекин)
болгарский яз.: Горан Готев (София)
греческий яз.: Николас Папагеоргиу (Афины)
сингальский яз.: С. Дж. Суманасекера Банда (Коломбо)
финский яз.: Марьятта Оксанен (Хельсинки)
шведский яз.: Манни Кёсслер (Стокгольм)
баскский яз.: Гуруц Лараньяга (Сан-Себастьян)
тайский яз.: Савитри Сувансатхит (Бангкок)
вьетнамский яз.: Зао Тунг (Ханой)
язык пушту: Змарай Мохакик (Кабул)
язык хауса: Хабиб аль-Хассан (Сокото)
язык бенгали: Абдулла А.М. Шарафуддин (Дакка)

При перепечатке материалов обязательна ссылка на «Курьер ЮНЕСКО» с указанием автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала. Подписи к фото и заголовки готовятся сотрудниками редакции.

Издание ежемесячного журнала «Курьер ЮНЕСКО» на русском языке с 1957 года осуществляется ордена Трудового Красного Знамени издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

ISSN 0304—3150

ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛОВ ЮНЕСКО НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Главный редактор А. Мельников
Заместители главного редактора:
И. Брычев, Д. Фикс

«КУРЬЕР ЮНЕСКО»

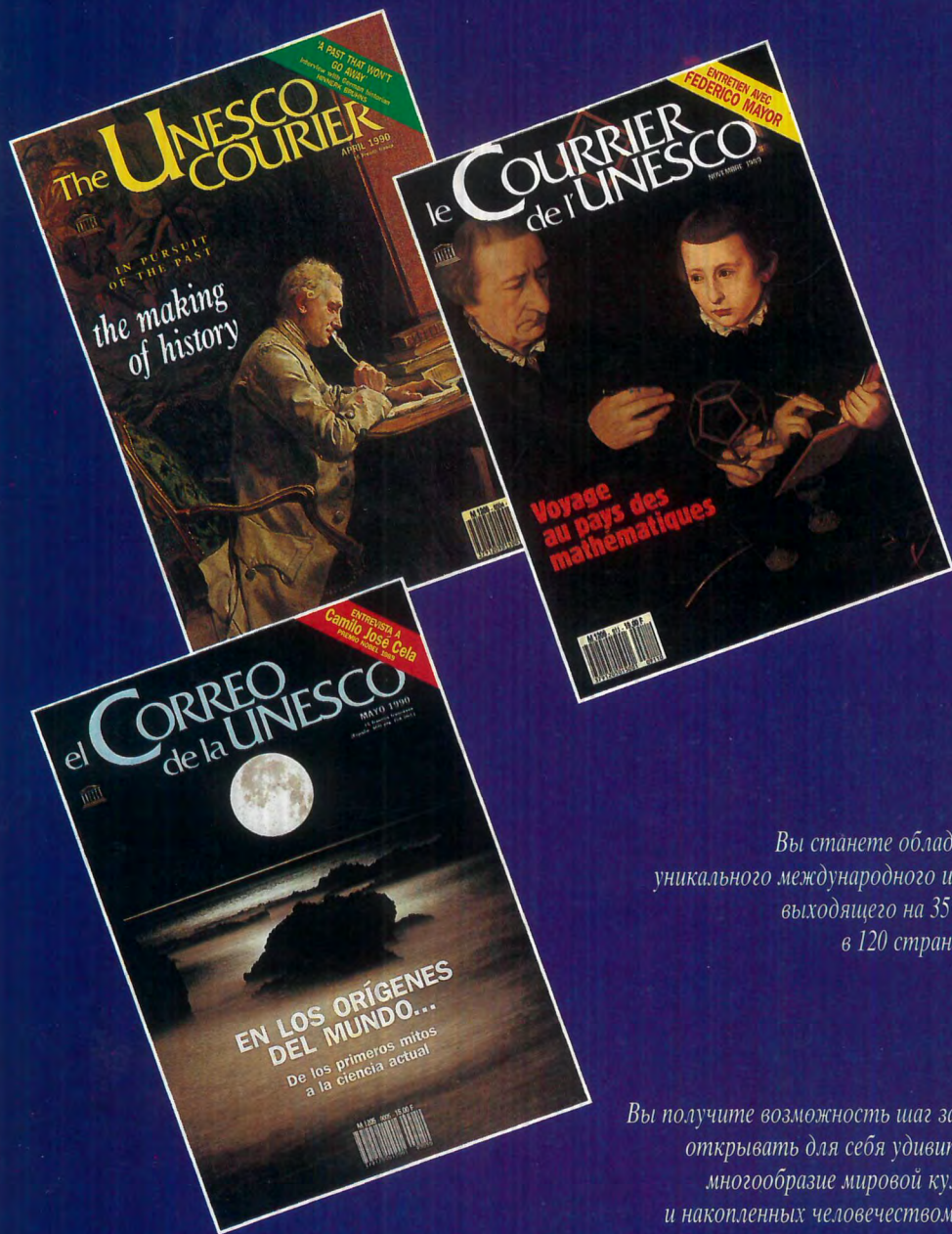
Редактор русского издания: И. Уткина
Редакторы: М. Борисова, О. Гребенюк
Художественное и техническое редактирование:
В. Паленцева

Адрес русской редакции: 119847, ГСП-3,
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17, т.: 247-18-40.

Ордена Трудового Красного Знамени
Тверской полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати,
170024, Тверь, проспект Ленина, 5
Зак. 1420.

ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 70458

Подписавшись на «Курьер ЮНЕСКО», вы сделаете себе сразу три подарка

1

Вы станете обладателем уникального международного издания, выходящего на 35 языках в 120 странах мира

2

Вы получите возможность шаг за шагом открывать для себя удивительное многообразие мировой культуры и накопленных человечеством знаний

3

Вы станете непосредственным участником деятельности ЮНЕСКО по обеспечению «всеобщего уважения к справедливости, законности, правам человека и основным свободам... без различия расы, пола, языка или религии...»

